Assassin's Creed. Отверженный

Автор:
Оливер Боуден

Assassin's Creed. Отверженный

Оливер Боуден

Assassin's Creed #5

Лондон, 1735-й год. Хэйтема Кенуэя учили боевым искусствам с тех пор, как его детские руки смогли удерживать деревянный меч. Однажды его дом подвергся нападению, вооруженные незнакомцы убили его отца и захватили старшую сестру. Хэйтему удалось защитить мать – единственным способом, который был ему доступен: прикончив одного из незваных гостей.

Лишившись семьи, он попадает под опеку таинственного наставника, который воспитывает из него безупречного убийцу. Хэйтем мечтает о мести и начинает долгие поиски злодеев. Вовлеченный в многовековую вражду между орденами ассасинов и тамплиеров, он сполна познает коварство заговоров и горечь предательства.

Основой для книги послужила популярная компьютерная игра компании «Ubisoft».

Впервые на русском языке!

Оливер Боуден

Assassin’s Creed. Отверженный

Oliver Bowden

ASSASSIN’S CREED: FORSAKEN

© 2017 Ubisoft Entertainment. All rights reserved. Assassin’s Creed. Ubisoft and the Ubisoft logo are trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries

* * *

Отлично написано, интригует, трудно оторваться. Хорошо проработаны персонажи, особенно Хэйтем – получился очень интересный герой. Книга из тех, которые хочется добавить в личную библиотеку.

Из отзывов читателей на сайте goodreads.com

Пролог

Я ведь не знал его. Совсем не знал. Только думал, что знаю. Но когда прочитал его дневник, понял: я ведь так и не разобрался в этом человеке. Теперь уже слишком поздно. Слишком поздно признаваться в том, что я его недооценивал. Слишком поздно просить у него прощения.

Часть I

Отрывки из дневника Хэйтема Кенуэя

6 декабря 1735 г

1

Два дня назад мы должны были отмечать мой десятый день рождения в нашем лондонском доме на площади Королевы Анны, но события, обрушившиеся на нас, заставили забыть о торжествах. Вместо торжеств – похороны. Наш сгоревший дом теперь был похож на почерневший гнилой зуб в ряду опрятных белокаменных особняков, что окружали площадь.

Сейчас мы живем в Блумсбери, в одном из отцовских поместий. И хотя нашей семье нанесен непоправимый урон, а жизнь каждого из нас навсегда выбита из привычной колеи, нам есть за что быть благодарными. Здесь мы останемся, пока не прояснится наша дальнейшая судьба. Совсем как неугомонные души в преддверии ада.

Все мои прежние дневники погибли в огне, и потому, начиная этот, я испытываю ощущение, будто впервые берусь за перо. А раз так, следует начать с моего имени. Меня зовут Хэйтем. Имя это арабское. Странный выбор имени для английского мальчишки, который родился в Лондоне и с рождения и до позавчерашнего дня был надежно защищен от грязной изнанки столичной жизни. Из окон нашего дома на площади Королевы Анны были видны туман и дым, висящие над рекой. Как и все жители города, мы страдали от вони, которая лично мне напоминала запах лошадиного пота. Зато нам не приходилось перешагивать через зловонные ручейки, текущие по канавам от дубильных мастерских и мясных лавок, не говоря уже о кучах конского навоза и человеческого дерьма. Все эти потоки и скопления не только портили воздух, но и являлись рассадниками опасных болезней, вроде дизентерии, холеры, полиомиелита…

– Рот, мастер Хэйтем, следует держать закрытым, иначе туда заберется проказа.

Во время прогулок по полям под Хампстедом мои няньки зорко следили за тем, чтобы я не подошел слишком близко к какому-нибудь кашляющему бедолаге, и прикрывали мне глаза при встрече с ребенком-калекой. Больше всего няньки боялись заразных болезней. Мне думается, их страх был вызван тем, что с этим неумолимым врагом невозможно договориться, его нельзя подкупить или

победить силой оружия. Болезнь не уважает ни богатства, ни положения человека в обществе.

Разумеется, болезнь нападает без предупреждения. Поэтому каждый вечер няньки проверяли меня на наличие симптомов кори или ветрянки, после чего сообщали моей матери, что я нахожусь в добром здравии, и та приходила поцеловать меня и пожелать спокойной ночи. Как видите, я принадлежал к числу счастливчиков: у меня была мать, целовавшая меня на ночь. У меня был отец, тоже не скупившийся на ласки. Он любил меня и мою сводную сестру Дженни. Отец рассказывал мне о богачах и бедняках. Он внушал мне веру в удачу и везение. Отец говорил, что я всегда должен думать о других. Он нанимал мне нянек и учителей, чтобы со временем из меня получился достойный человек, представляющий несомненную ценность для этого мира. Счастливый человек. Словом, меня ждала судьба, недостижимая для моих сверстников, вынужденных гнуть спину на полях и фабриках.

Правда, иногда я думал: а есть ли у тех, других ребят друзья? И хотя я бы ни за что не согласился поменяться с ними местами, я завидовал им в том, что у них есть друзья. У меня друзей не было, как не было братьев и сестер одного или почти одного возраста с моим. А попытаться завести друзей самому мне мешала застенчивость. Существовало и еще некое обстоятельство, о котором я узнал достаточно рано – мне не было тогда и шести.

Дома на площади Королевы Анны стояли весьма близко, и потому мы часто видели соседей либо на самой площади, либо на задних дворах их особняков. Рядом с нами жила семья с четырьмя дочерьми, две из которых были примерно одного со мной возраста. Целыми днями они прыгали или играли в жмурки у себя в саду. Я слышал их крики и веселый смех. Сам я в это время сидел в классной комнате под бдительным взором моего учителя, старины мистера Фейлинга. У него были кустистые седые брови и привычка ковырять в носу. Все извлеченное из недр собственных ноздрей он внимательно разглядывал, а потом тайком поедал.

И вот однажды старине Фейлингу понадобилось отлучиться. Я дождался, пока стихнут его шаги, затем поднял голову от столбиков цифр и выглянул в окно, которое как раз выходило в соседский сад.

Имен девчонок я не знал, а знал лишь их фамилию – Доусоны. Мистер Доусон был членом парламента. Так говорил мой отец, пряча хмурую усмешку. Их сад

был обнесен высоким забором, однако даже деревья в полном цвету не могли скрыть его от моего взора. Оставшись один, я прильнул к окну и увидел всех четырех сестер. Сегодня они сменили надоевшие жмурки на «классики» и расчерчивали палками землю на квадраты. Затем старшие сестры взялись учить младших премудростям игры. В воздухе мелькали их косички и розовые платья. Сестры визжали и смеялись. Иногда, когда веселье становилось слишком бурным, из-за деревьев раздавался недовольный женский голос.

Забыв про арифметические примеры, я следил за игрой сестер Доусон. И вдруг, словно почувствовав, что за ней наблюдают, одна из младших девчонок задрала голову и увидела меня в окне. Наши глаза встретились.

Я шумно глотнул воздуха, а затем очень робко поднял руку и помахал соседке. К моему удивлению, девочка широко улыбнулась. Она тут же окликнула сестер. Вскоре все четверо, прикрывая глаза от солнца, смотрели на окно моей классной комнаты. В тот момент я походил на музейный экспонат – машущий рукой и слегка покрасневший от смущения. Незнакомое тепло будто разлилось по всему моему телу. Наверное, то было ощущение зарождающейся дружбы.

Однако это приятное чувство тут же исчезло, как только из-за деревьев вышла нянька. Она сердито поглядела на мое окно и наверняка про себя решила, что я любитель подглядывать, потому что тут же увела сестер в другой конец сада.

Взгляд, которым наградила меня нянька сестер Доусон, я ловил на себе и прежде, и после; на площади и в полях Хампстеда. Помните, как мои няньки оберегали меня от бродяг и калек? Точно так же другие няньки оберегали своих детей от меня. Я никогда не задумывался о причинах такого поведения. Сам даже не знаю почему.

2

Когда мне исполнилось шесть, няня Эдит принесла мне сверток, в котором лежала новая, свежевыглаженная одежда, а также башмаки с серебряными пряжками.

Вскоре я вышел из-за ширмы, сверкая пряжками начищенных туфель. На мне были жилетка и сюртук. Эдит позвала служанок, и те сказали, что я – точная копия моего отца. Естественно, ради этого все и затевалось.

Чуть позже пришли родители. Могу поклясться, что у отца слегка увлажнились глаза. Мама не стала сдерживать чувств и расплакалась прямо в детской, утирая слезы ладонью, пока Эдит не подала ей носовой платок.

Я стоял с пылающими щеками, сознавая себя взрослым и образованным. Интересно, если бы сестры Доусон увидели меня в новой одежде, кем бы я им показался? Хотелось бы думать, что джентльменом. Я часто думал о них. Иногда я мельком видел их в окно, когда девчонки бегали по саду или их гуськом вели в карету, ожидавшую напротив дома. Мне казалось, что пару раз кто-то из них поднимал голову и видел в окне меня. Только уже не было ни улыбок, ни приветственных жестов. Лишь то же неодобрение в глазах, что у их няньки когда-то. Словно презрительное отношение ко мне передалось сестрам Доусон как некое тайное знание.

Итак, по одну сторону от нас жили недосягаемые Доусоны со всеми их жмурками, прыжками и пляшущими косичками, а по другую – Барретты. У тех было восемь детей – сыновей и дочерей, но и это семейство, как и сестер Доусон, я видел лишь издали, когда они садились в кареты или гуляли по полям. В один из дней (мне тогда недавно исполнилось восемь) я бродил по нашему саду, ведя палкой по обветшалой стене из красного кирпича. Стена была довольно высокой. Иногда я останавливался и все той же палкой переворачивал камни, из-под которых выскакивали и пускались наутек мокрицы и многоножки. А вот черви не спешили. Они извивались своими длинными телами, словно потягиваясь после спячки. Так я оказался возле двери, открывающейся в проход между нашим домом и домом Барреттов.

Тяжелая дверь была заперта на огромный ржавый замок, которым, похоже, не пользовались уже много лет. Я стал разглядывать замок, когда вдруг раздался громкий, настойчивый мальчишеский шепот:

– Эй, послушай! Что про твоего отца говорят – это правда?

Шептали с другой стороны двери, хотя я не сразу это понял, пережив мгновение неподдельного страха. Потом я едва не подпрыгнул, когда заметил немигающий

глаз, следящий за мной через узкую щель.

– Ты давай не молчи, а то меня сейчас хватятся. Так это правда, что про твоего отца говорят?

Успокоившись, я нагнулся к щели и спросил:

– Кто ты?

– Том. Я живу по соседству.

Это имя было мне знакомо. Так звали самого младшего из детей Барреттов, моего ровесника. Я слышал, как взрослые окликали его.

– А ты кто? – спросил Том. – Тебя как зовут?

– Хэйтем, – ответил я и подумал: «Может, этот Том станет моим другом?» Его глаз смотрел вполне дружелюбно.

– Странное у тебя имя.

– Арабское. В переводе означает «молодой орел».

– Что ж, это кое-что проясняет.

– Что именно?

– Не знаю. Просто. А ты что, один живешь?

– У меня еще сестра есть, – ответил я. – И отец с матерью.

– Маленькая у вас семья.

Я кивнул.

– Так все-таки это правда или нет? – допытывался Том. – Твой отец – он такой, как про него говорят? И не вздумай мне врать. Я твои глаза вижу и сразу пойму, если соврешь.

– Я не собираюсь тебе врать. Я просто не знаю, что? говорят про моего отца и кто именно говорит.

Пока я произносил эти слова, у меня возникло странное и не слишком приятное ощущение, будто где-то существовало представление о том, что? считать «нормальным», и что мы – семья Кенуэй – в него не вписывались.

Наверное, владелец проницательного глаза что-то услышал в моем голосе, поскольку спешно добавил:

– Ты меня извини. Извини, если я брякнул что-то не то. Мне просто любопытно, только и всего. Понимаешь, ходят слухи, и будет здорово, если они окажутся правдой…

– Какие слухи?

– Тебе они покажутся глупыми.

Осмелев, я приблизился к щели так, что и Том теперь видел только один мой глаз.

– Почему глупыми? Что вообще говорят про моего отца?

Глаз заморгал.

– Говорят, будто раньше он был…

Наш разговор прервал шум, послышавшийся со стороны Тома. Следом раздался сердитый мужской голос:

– Томас!

Обладатель глаза испуганно отпрянул.

– Вот черт! – выругался он. – Мне пора. Надеюсь, мы с тобой еще встретимся?

Я не успел ответить на его вопрос. Том убежал, оставив меня недоумевать. Какие слухи? Что окружающие говорили о нас, о нашей маленькой семье?

И тут я вспомнил, что и мне пора. Близился полдень – время урока боевых искусств.

7 декабря 1735 г

1

Я чувствую себя невидимым, как будто застрял между прошлым и будущим. Взрослые, что окружают меня, ведут разговоры вполголоса. Лица у всех печальные, женщины плачут. Разумеется, в каминах поддерживают огонь, но почему-то дом (вернее, то, что от него осталось) кажется пустым и холодным. Нас совсем горстка. Снаружи начал падать снег, а внутри властвует скорбь, которая, словно мороз, пробирает до костей.

Мне особо нечем заняться, поэтому я пишу в свой дневник. Сегодня я думал закончить описание предыдущих лет моей жизни, но оказалось, что мне есть что рассказать. К тому же некоторые дела требуют моего присутствия. Похороны. Сегодня мы хороним Эдит.

– Вы уверены, мастер Хэйтем? – некоторое время назад спросила меня Бетти.

Лоб у нее в морщинах, глаза усталые. Много лет (точнее, сколько я себя помню) она помогала Эдит. Для Бетти это такая же утрата, как и для меня.

– Да, Бетти, уверен.

На мне, как всегда, был костюм, к которому сегодня добавился черный галстук. Эдит была одинока в этом мире. Такое же одиночество ощущали уцелевшие члены семьи Кенуэй и слуги. Мы собрались внизу для скромной поминальной трапезы: ветчина, эль и хлеб. Когда она закончилась, сотрудники похоронного бюро, успевшие глотнуть горячительного, погрузили тело на дроги и повезли в часовню. Мы расселись по каретам. Их понадобилось всего две. Вернувшись с похорон, я поднялся к себе в комнату и снова взялся за дневник…

2

Прошло два дня со времени моего разговора с глазом Тома Барретта, а у меня в голове по-прежнему звучали его слова. И вот как-то утром, когда мы с Дженни остались в гостиной одни, я решил ее обо всем расспросить.

Дженни была старше меня на тринадцать лет – ей шел двадцать второй год. Общего у меня с ней было не больше, чем с развозчиком угля. Даже меньше, поскольку человек, привозивший нам уголь, как и я, любил посмеяться, а Дженни даже улыбалась редко.

У нее были черные блестящие волосы и темные глаза. Мне они казались сонными, хотя взрослые называли их задумчивыми. Один из поклонников Дженни утверждал, что у нее глаза с поволокой, что бы это ни значило. Вообще взрослые часто обсуждали сестрин внешний вид. Она – девушка редкой красоты, так они говорили.

Может, так оно и было, хотя для меня она была просто Дженни – старшая сестра, так часто отказывавшаяся со мной играть, что я давно уже перестал просить ее об этом. Практически целыми днями она сидела на стуле с высокой спинкой и либо шила, либо вышивала. И хмурилась. Может, это и была та самая поволока, о которой говорил ее поклонник? По мне, так это просто взгляд исподлобья.

Мы напоминали корабли, которые плавали по водам небольшой гавани, иногда двигаясь рядом, но всегда в разные стороны. У нас с Дженни был общий отец, и она, в силу своего возраста, знала о нем гораздо больше моего. Годами я слышал от сестры, что слишком глуп или слишком мал (или и то и другое вместе), чтобы

понять то, о чем спрашиваю. Но я не оставлял попытки завязать с ней разговор – может быть, для того, чтобы позлить ее. Однако в тот раз, спустя пару дней после моего разговора с глазом Тома, я решил поговорить с Дженни, чтобы выяснить, что же сосед имел в виду.

– Что люди о нас говорят? – без обиняков спросил я.

Сестра театрально вздохнула и подняла глаза от рукоделия.

– О чем ты, сопляк? – холодно поинтересовалась она.

– Просто хочу знать, что? люди о нас говорят.

– Ты о сплетнях?

– Ну да.

– И какое тебе дело до этих сплетен? Ты еще слишком…

– Такое, – перебил я, не дожидаясь, пока Дженни заявит, что я слишком глуп или мал.

– С чего бы вдруг?

– Кто-то что-то сказал, вот и все.

Дженни отложила рукоделие, засунув его под подушку, что лежала у нее в ногах, и поджала губы.

– Кто? Кто говорил и что именно?

– Соседский мальчишка. Он сказал, что наша семья странная, а наш отец…

– Что – наш отец?

– Он не договорил.

Дженни улыбнулась и снова взялась за пяльцы.

– И с тех пор ты ломаешь голову над его словами?

– Ну да. А ты бы не ломала?

– Я знаю все, что мне необходимо знать, – высокомерно ответила сестра. – И мне ровным счетом наплевать, что? о нас говорят в соседнем доме.

– Тогда расскажи мне, – попросил я. – Чем занимался отец до моего рождения?

Как я уже говорил, Дженни улыбалась редко. И лишь в тех случаях, когда чувствовала себя хозяйкой положения или могла показать свою власть над кем-то. Особенно если этим кем-то был я.

– В свое время узнаешь, – сказала сестра.

– Когда?

– Я же сказала – в свое время. И потом, ты же являешься наследником по мужской линии.

Повисла пауза.

– А что такое «наследник по мужской линии»? Чем я отличаюсь от тебя?

Дженни снова вздохнула:

– В данный момент почти ничем. Разве что тебя обучают боевым искусствам, а меня нет.

– Разве тебя этому не учат? – спросил я, хотя и так знал ответ.

Меня и раньше занимало, почему меня учат сражаться на мечах, а Дженни вынуждена довольствоваться рукоделием.

– Нет, Хэйтем, меня этому не учат. И никого из детей: ни в Блумсбери, да и, наверное, во всем Лондоне. Никого, кроме тебя. Разве тебе не говорили?

– Не говорили… что?

– Чтобы ты никому не рассказывал о своих уроках.

– Да, но…

– А тебя не занимало, почему об этом нельзя рассказывать?

Может, и занимало. Может, я втайне обо всем догадывался. Но сейчас я промолчал.

– Вскоре ты узнаешь, в чем состоит твое предназначение, – сказала Дженни. – Наши жизни распланированы за нас, а потому можешь не волноваться.

– Тогда скажи, в чем состоит твое предназначение?

Дженни насмешливо фыркнула:

– Ты неправильно задал вопрос. Правильнее сказать не «в чем», а «в ком».

Интонацию, с какой это было произнесено, я понял гораздо позже. А в тот момент я лишь взглянул на сестру и решил не допытываться, не то она, чего доброго, рассердится и уколет меня вышивальной иглой.

Я вышел из гостиной. Пусть я ничего и не узнал ни об отце, ни о нашей семье, зато я кое-что узнал о Дженни. Теперь я понял, почему она так редко улыбалась и почему всегда была враждебно настроена по отношению ко мне.

Все потому, что она знала наше будущее. И знала, что мое будущее оказывалось куда благоприятнее просто потому, что я родился мужчиной.

Наверное, мне следовало посочувствовать Дженни. Я бы и посочувствовал, не будь она такой брюзгой.

Назавтра у меня был очередной урок боевых искусств. После нашего с сестрой разговора занятия обрели для меня новый смысл. Я даже испытывал некоторый трепет. Еще бы! Ни один восьмилетний мальчишка в Лондоне не обучался владению мечом. Только я. Вдруг я почувствовал, словно вкушаю запретный плод, а то, что моим учителем был отец, делало этот плод сочнее. Если Дженни была права и меня готовили к определенной профессии, тогда хорошо. Ведь учатся же мальчишки, чтобы затем стать священниками, кузнецами, мясниками или плотниками. Такая судьба меня устраивала. Больше всего мне хотелось походить на своего отца. Мысль о том, что он передает мне свои знания и опыт, одновременно успокаивала и будоражила.

Мое будущее было связано с оружием! Может ли маленький мальчик желать большего? Оглядываясь назад, могу сказать: с того дня я стал учиться с бо?льшим усердием и мои успехи стали более заметными. Ежедневно, в полдень или после ужина, мы с отцом уединялись в комнате, которая предназначалась для игр, но которую мы называли комнатой для упражнений.

После нападения мои уроки прекратились. С тех пор я не прикасался к мечу, но знал: как только меч окажется у меня в руке, перед глазами встанут стены комнаты, обшитые темными дубовыми панелями, книжные полки и бильярдный стол, накрытый тканью. Стол мы отодвигали в сторону, расширяя пространство для занятий. Я увижу отцовские глаза: сверкающие, острые, но добрые. Его глаза всегда улыбались, всегда подзадоривали меня: ставь преграду, защищайся, не забывай о ногах, держи равновесие, не теряй внимания, предчувствуй атаку. Эти слова отец повторял, как молитву. Часто за весь урок я не слышал от него ничего более. Эти слова он произносил отрывисто, как команды. Если я действовал правильно, он кивал, если ошибался – качал головой. Отец почти не делал перерывов; разве что когда откидывал с лица налипшие волосы или когда требовалось поправить мне стойку.

Я вспоминаю картины и звуки тех уроков: книжные полки, сдвинутый бильярдный стол, отрывистые слова отцовских команд и стук…

Дерева.

Да, дерева.

К моему великому огорчению, мы упражнялись на деревянных мечах. На мои сетования отец неизменно отвечал, что на стальные мы перейдем позже, когда я подрасту.

3

Наступил мой восьмой день рождения. Эдит в то утро была особенно ласкова со мной. Мама распорядилась, чтобы на завтрак мне подали все, что я люблю: сардины в горчичном соусе и свежий хлеб с домашним вишневым вареньем. Я с удовольствием поглощал свой завтрак, а Дженни с ухмылкой поглядывала на меня, но я старался не обращать на нее внимания. После нашего разговора в гостиной та незначительная власть, какую сестра имела надо мной, растаяла как дым. Раньше я бы принял ее насмешки близко к сердцу. Быть может, мне даже стало бы немного стыдно за свой праздничный завтрак. Но только не в день моего восьмилетия. Если оглянуться назад… тот день рождения стал переломным. Я начал превращаться из мальчишки в мужчину.

И потому Дженни могла сколько угодно кривить губы и тихо ухмыляться. Меня это не задевало. Я смотрел только на родителей, а они – на меня. По их жестам я понял: вкусным завтраком мой праздничный день не ограничится. Так оно и вышло. Под конец завтрака отец объявил, что вечером мы отправимся на Честерфилд-стрит, в «Шоколадный дом Уайта». Там готовят горячий шоколад прямо из цельных бобов какао, которые привозили к нам из Испании.

Потом Эдит и Бетти долго суетились вокруг меня, наряжая в мой лучший костюм. Вместе с родителями и Дженни я неторопливо шествовал к ожидавшей нас карете, украдкой поглядывая на окна соседских домов. Может, сестры Доусон или Том и его братья видели наш отъезд? Хотелось надеяться, что да. Видели и думали: «Семья Кенуэй выходит в свет, как и подобает нормальной семье».

4

На улицах, прилегающих к Честерфилд-стрит, было весьма людно. Нам удалось подъехать вплотную к «Шоколадному дому Уайта». Едва карета остановилась, нам помогли выбраться, перевели через шумную улицу и проводили внутрь заведения.

Путь от кареты до шоколадного рая был совсем коротким, однако я успел увидеть кусочки реальной, жестокой и неприглядной лондонской жизни, от которой меня берегли няньки: в канаве валялась дохлая собака; возле перил рвало какого-то оборванца; цветочницы, попрошайки и уличные мальчишки бегали по улице, разбрызгивая грязь, что рекой текла по мостовой.

В зале, куда нас ввели, густо пахло табачным дымом, элем, духами и, конечно же, шоколадом. Кто-то играл на клавикордах, но их звуки почти тонули в гуле голосов. Здесь почему-то все кричали, склонясь над игорными столами. Мужчины и женщины пили эль из больших тяжелых кружек. Кое-кто пил горячий шоколад, заедая сладким. Все посетители были очень возбуждены.

Пройдя несколько шагов, отец остановился. Я почувствовал, что ему не по себе. На мгновение я даже испугался: вдруг он просто повернется и мы уйдем отсюда, так и не попробовав шоколада? Вскоре я заметил молодого джентльмена с тростью, который приветливо улыбался и подмигивал нам. Отец тоже его заметил и повел нас туда, где тот стоял. Мы пробирались между столов, переступали через собак и даже через малолетних ребятишек, ползавших по полу между ног родителей. Видно, они рассчитывали чем-то поживиться: случайно упавшим куском пирожного, а может, и монетками.

Наконец мы добрались до джентльмена с тростью. В отличие от отца, чьи всклокоченные волосы были наскоро заплетены в косицу и скреплены бантом, голову его знакомого покрывал белый напудренный парик. Чтобы не запачкать парик, сзади джентльмен прикрыл его черным шелковым мешочком. Одет отцовский знакомый был в темно-красный сюртук. Кивнув отцу, джентльмен переместил свое внимание на меня и церемонно поклонился:

– Добрый вечер, мастер Хэйтем. Примите мои искренние поздравления по случаю дня вашего рождения. Будьте любезны, сэр, напомните мне ваш возраст. Судя по вашей внешности, вы уже достаточно возмужали. Вам одиннадцать? А может, двенадцать?

Сказав это, он глянул поверх меня. Отец и мать, стоявшие за моей спиной, одобрительно закивали.

– Мне восемь, сэр, – с важностью ответил я.

Отец нас познакомил. Джентльмена звали Реджинальд Берч. Он был одним из старших управляющих отца. Мистер Берч сказал, что рад нашему знакомству, после чего поклонился матери, поцеловав ей руку.

Затем Реджинальд склонил голову и прильнул губами к руке моей сестры. Я уже кое-что смыслил в таких делах и понял: он ухаживает за Дженни. Мне казалось, что отцу это может не понравиться и он вмешается.

Но отец и мать выглядели радостно возбужденными, а вот лицо сестры сделалось каменным и оставалось таким все время, пока нас вели в отдельную комнату. Там мы уселись за стол, причем мистер Берч сел рядом с Дженни. Слуги «Шоколадного дома» забегали вокруг нас.

Я бы с удовольствием остался тут жить! Я успел выпить несколько чашек горячего шоколада и съел несколько внушительных кусков торта. Отец с мистером Берчем пили эль и почти не ели. Они не торопились расставаться, но мать сказала, что нам пора, пока мне или им не стало плохо. Мы покинули «Шоколадный дом» и вышли на улицу, где стало еще многолюднее.

От уличного шума и зловония я даже растерялся. Дженни наморщила нос. По лицу матери промелькнула тревога. Заметив это, отец подошел к нам почти вплотную, пытаясь оградить от суеты.

Потом я вдруг увидел грязную руку, застывшую на уровне моих глаз. Я поднял голову. Попрошайка глядел на меня широко раскрытыми, умоляющими глазами – единственными сравнительно чистыми островками на его чумазом лице. Спутанные волосы нищего давно не знали горячей воды и мыла. Уличная цветочница попыталась было сунуться со своим товаром к Дженни, но мистер Берч проворно загородил ей путь своей тростью. Торговка лишь ойкнула и исчезла. Меня со всех сторон толкали и пихали. Сбоку к нам лезли двое уличных мальчишек с протянутыми ладонями.

И вдруг моя мать испуганно вскрикнула. Какой-то бродяга в грязных лохмотьях выскочил из толпы и уже тянул к ней руку, готовясь сорвать с ее шеи ожерелье.

Еще через секунду я понял, почему отцовская трость так странно гремела. Отец сорвал верхнюю часть, оказавшуюся кинжалом, и молниеносно бросился на грабителя. Однако, увидев, что вор безоружен, отец передумал и вернул кинжал на место, ударив тростью по руке вора.

Тот заорал от боли и удивления. Попятившись назад, грабитель налетел прямо на мистера Берча – тот опрокинул его на землю, придавил коленями грудь, а к горлу поднес кинжал. Я затаил дыхание. У матери округлились глаза. Ее рука вцепилась в отцовское плечо.

– Реджинальд! Остановитесь! – крикнул отец.

– Эдвард, он только что пытался ограбить вас, – не поворачиваясь, ответил мистер Берч.

Вор распустил сопли. На руках мистера Берча проступили жилы. Костяшки пальцев, сжимавших рукоятку кинжала, стали белыми.

– Нет, Реджинальд, это не способ борьбы со злом, – спокойно возразил отец.

Он обнимал мать, тихо всхлипывающую у него на груди. Рядом стояла Дженни. С другой стороны стоял я. Вокруг нас собралась толпа. Бродяги и нищие, что совсем недавно лезли к нам, теперь держались на расстоянии. Их почтение было вызвано страхом.

– Реджинальд, я не шучу, – сказал отец. – Уберите кинжал и отпустите его.

– Эдвард, не выставляйте меня дураком. Особенно перед всем этим сбродом, – ответил мистер Берч. – Мы оба знаем: этот человек обязан заплатить за свой поступок если не жизнью, то хотя бы парой пальцев.

Я снова затаил дыхание.

– Нет! – скомандовал отец. – Никакого кровопролития, Реджинальд! Если вы не сделаете так, как я вам говорю, я разорву с вами всякие отношения.

Вокруг нас стало тихо. Было слышно только, как вор тихо бормочет:

– Сэр, пощадите… прошу вас, сэр… умоляю, сэр…

Его руки были плотно прижаты к бокам. Ноги беспорядочно елозили по грязным, осклизлым камням мостовой. Он сознавал, что оказался в ловушке.

Так продолжалось, пока мистер Берч не принял решение. Он убрал кинжал, острие которого успело до крови оцарапать шею вора. Выпрямившись, Реджинальд пнул его ногой. Дальнейших понуканий этому бродяге не понадобилось. Вскочив на ноги, он припустил по Честерфилд-стрит, радуясь, что остался цел.

К нам подбежал опомнившийся кучер, прося поскорее сесть в карету.

А отец и мистер Берч продолжали стоять, пристально глядя друг на друга. Пока мать усаживала меня в карету, я успел заметить пылающие глаза Реджинальда. Потом отец протянул ему руку и сказал:

– Благодарю вас. От имени всех нас благодарю вас за быстроту вашей реакции.

Я почувствовал руку матери на своей пояснице, настойчиво пытавшейся затолкнуть меня в карету, но продолжал тянуть шею, стараясь увидеть, чем все кончится. Отец протягивал руку мистеру Берчу, но тот по-прежнему смотрел на него сверкающими глазами, отказываясь от примирения.

Меня почти уже запихнули в карету, когда я увидел, как мистер Берч тоже протянул отцу руку, а сердитый взгляд сменился улыбкой: ошеломленной и даже застенчивой. Казалось, он сам не понимал, что? это на него нашло. Они пожали руки. Отец наградил мистера Берча легким кивком, столь хорошо знакомым мне. Отцовский жест означал: недоразумение улажено и слова не требуются.

5

Наконец мы вернулись к себе на площадь Королевы Анны, оставив за дверями запах дыма, конского пота и навоза. Я поблагодарил родителей, сказав, что замечательно провел вечер и что маленькое уличное происшествие ничуть не испортило мне торжества. Сам же я, разумеется, считал случившееся главным событием дня.

Однако праздник на этом не закончился. Я уже направлялся к себе, когда отец подал мне знак следовать за ним и повел в комнату для игр, где зажег лампу.

– Стало быть, Хэйтем, тебе понравился сегодняшний вечер, – сказал отец.

– Очень понравился, сэр, – ответил я.

– А каковы твои впечатления о мистере Берче?

– Он мне тоже очень понравился, сэр.

Отец усмехнулся:

– Реджинальд придает большое значение внешнему виду, манерам, этикету и умению повиноваться. Он вовсе не похож на тех, кто соблюдает правила и придерживается приличий, лишь когда им это выгодно. Реджинальд – человек чести.

– Да, сэр. – Должно быть, в моем голосе прозвучало сомнение, отражавшее мои чувства.

Отец его уловил и пристально посмотрел на меня:

– Ага, ты раздумываешь о случившемся на улице?

– Да, сэр.

– Ну и что же ты по этому поводу думаешь?

Он подвел меня к стеллажу, возле которого стояла лампа. Наверное, ему хотелось получше видеть мое лицо. Взгляд отцовских глаз всегда был добрым, но вместе с тем внимательным и серьезным. Отец стоял так, что один из шрамов на его лице будто бы сиял в тусклом свете лампы.

– Сэр, меня взволновало это уличное происшествие, – сказал я и быстро добавил: – Больше всего я волновался за маму. Вы так быстро бросились ей на выручку. Я еще не видел, чтобы человек двигался с такой скоростью.

– Вот что делает с мужчиной любовь, – засмеялся отец. – Когда-нибудь ты сам в этом убедишься. Но вернемся к мистеру Берчу. Как ты оцениваешь его поведение, Хэйтем?

– Сэр?

– Мистер Берч намеревался жестоко наказать этого мерзавца. Было бы такое наказание заслуженным, как ты считаешь?

Я задумался над отцовским вопросом. Судя по внимательному и даже суровому выражению его лица, отец спрашивал не просто так. Ему действительно было важно услышать мой ответ.

Тогда, на улице, я сгоряча подумал, что вор заслуживает сурового наказания. Пусть и на миг, меня охватил гнев. Как этот оборванец смел напасть на мою мать? Однако сейчас, в спокойной обстановке комнаты, залитой мягким светом лампы, мои чувства изменились.

– Отвечай честно, Хэйтем, – сказал отец, словно читая мои мысли. – Реджинальд обладает обостренным чувством справедливости… или того, что он понимает под справедливостью. В какой-то мере оно у него… библейского свойства. А что думаешь ты?

– Поначалу, сэр, я ощутил… сильное желание отомстить. Но это желание быстро прошло, и я был рад, что мистер Берч проявил милосердие.

Отец улыбнулся и кивнул. Затем он резко повернулся к стеллажу и молниеносным движением нажал невидимый мне рычаг. Часть стеллажа вместе

с книгами повернулась наподобие дверцы, открыв тайник. У меня замерло сердце, когда отец достал оттуда продолговатую коробку, подал мне и кивком предложил открыть.

– Это, Хэйтем, мой тебе подарок на день рождения, – пояснил отец.

Я положил коробку на пол, опустился на колени и снял крышку. Увидев кожаный пояс, я торопливо его достал, уже зная, что под ним увижу меч. Не деревянный игрушечный меч, а настоящий, стальной, с затейливо украшенным эфесом… Там действительно оказался меч, но, увы, короткий, больше похожий на кинжал. Меня охватило разочарование, но я быстро с ним совладал. Отец не мог сделать плохого подарка, а значит, он подарил мне замечательный короткий меч. И что не менее важно, это был мой короткий меч. Я решил, что теперь он будет постоянно висеть у меня на боку, и потянулся к поясу. Но отец меня остановил.

– Нет, Хэйтем, – сказал он. – Меч останется здесь. Брать его, а тем более пускать в ход, ты будешь только с моего позволения. Это тебе понятно? – Отец забрал у меня меч, убрал в коробку вместе с поясом и закрыл крышку. – Скоро ты начнешь обучаться владению этим мечом. Тебе, Хэйтем, предстоит многое узнать, и не только о стали, что держала твоя рука, но также и о стали в твоем сердце.

– Да, отец, – ответил я, стараясь не показывать ему своего смущения и разочарования.

Отец вернул коробку в тайник. Если он старался сделать так, чтобы я не заметил, какая из книг приводит в действие скрытый рычаг, ему это не удалось. Я успел ее заметить: это была Библия короля Якова.

8 декабря 1735 г

1

Сегодня опять похороны. Хоронили двух бывших военных, нанятых отцом для охраны нашего лондонского дома. На похоронах капитана, имени которого я так и не узнал, присутствовал наш управляющий мистер Дигвид. Похороны второго убитого прошли без нашего участия. Вокруг слишком много потерь, и в наших душах попросту не осталось места, чтобы скорбеть еще по кому-то, как бы бессердечно это ни звучало.

2

После того вечера мистер Берч стал часто бывать у нас. Они с Дженни гуляли по саду или ездили в город в его карете. В остальное время он сидел в гостиной, пил чай и шерри, развлекая женщин рассказами об армейской жизни. Естественно, он говорил и с моим отцом: в гостиной или в отцовском кабинете. Всем было понятно, что мистер Берч намерен жениться на Дженни. Отец не противился их союзу, однако я слышал, будто Реджинальд просил повременить со свадьбой. Ему хотелось приумножить свое состояние, чтобы у Дженни был муж, какого она заслуживала. Мистер Берч присмотрел особняк в Саутварке,[1 - Район в центральной части Лондона. (Здесь и далее примеч. перев.)] вполне отвечающий привычкам и запросам моей сестры.

Отца и мать такая перспектива очень вдохновляла, чего бы я не сказал о Дженни. Несколько раз она выбегала из гостиной в гневе или слезах. Отец в таких случаях говорил: «Ничего, она одумается». Однажды при этом он искоса посмотрел на меня и закатил глаза.

Если сестру мысли о грядущем глубоко печалили, то меня мысли о собственном будущем наполняли радостью и волнением. Широта и сила моей любви к отцу постоянно угрожали поглотить меня целиком. Я не просто любил отца – я его обожествлял. Временами меня захлестывало ощущение, что мы вдвоем обладаем знаниями, скрытыми от остального мира. К примеру, отец часто расспрашивал меня о том, чему меня учат нанятые учителя. Я подробно рассказывал, он внимательно слушал, а потом восклицал: «Надо же!» Спрашивая меня о том, что касалось религии, этики или морали, отец сразу распознавал, когда я давал заученный ответ или повторял как попугай слова учителей. «Сейчас ты пересказал мне мнение старины Фейлинга», – говорил отец. Или: «Мы знаем мнение этого писателя, жившего несколько веков назад. Но какой

отклик находит все это у тебя вот здесь?» – спрашивал он, прикладывая руку к моей груди.

Теперь я понимаю, чего добивался отец. Старина Фейлинг учил меня фактам и непреложным истинам. Отец предлагал мне подвергать их сомнению: откуда взялись эти факты и истины? Кто держал в руке перо, излагая их, и почему я должен верить этому человеку?

Отец любил повторять: «Чтобы видеть мир в ином свете, мы должны мыслить по-иному». Кому-то из вас эти слова покажутся глупыми, и вы посмеетесь над ними. Быть может, через несколько лет я и сам над ними посмеюсь. Но тогда у меня бывали мгновения, когда я чувствовал, что мой ум расширяется и я способен смотреть на мир глазами отца: мне казалось, его взгляд подвергал сомнению само представление об истине.

Разумеется, я начал сомневаться в словах старины Фейлинга. Однажды, когда мы изучали Священное Писание, я дерзнул высказать ему свою точку зрения, заработав несколько ударов тростью по пальцам. Старина Фейлинг даже рассказал о случившемся отцу, после чего тот отвел меня в свой кабинет, закрыл дверь и повернулся ко мне. Расплывшись в улыбке, он мягко сказал:

– Знаешь, Хэйтем, зачастую лучше держать свои суждения при себе. Это сродни умению скрываться на виду у всех.

Я внял отцовскому совету. Теперь, наблюдая за окружающими, я старался понять, каков их взгляд на мир: такой, как у старины Фейлинга, или такой, как у отца.

Сейчас, когда я пишу эти строки, то понимаю, что был тогда крайне самонадеянным. Я чувствовал себя не по годам взрослым. Это чувство неприятно для окружающих и сейчас, в мои десять, и раньше, когда мне было восемь и девять. Возможно, я был невыносимо высокомерным мальчишкой. Наверное, я чувствовал себя этаким маленьким хозяином дома. Когда мне исполнилось девять, отец на день рождения подарил мне лук и стрелы. Я упражнялся с ними в саду, надеясь, что сестры Доусон или Барретты наблюдают за мной из окон.

Со времени моего тогдашнего разговора с Томом прошло больше года. Я продолжал ходить к закрытой двери, надеясь снова поговорить с его глазом.

Отец охотно обсуждал со мной все, кроме своего прошлого. Я ровным счетом ничего не знал о его жизни до приезда в Лондон и матери Дженни, поэтому продолжал надеяться, что Том, быть может, меня просветит. И станет моим другом. Родительская любовь, внимание нянек, учителей и наставников – всего этого у меня было вдоволь. Я мечтал о друге. И надеялся, что им станет Том.

Увы, моим мечтам не суждено было сбыться.

Завтра состоятся похороны Тома.

9 декабря 1735 г

1

Утром ко мне заглянул мистер Дигвид. Он постучался, дождался моего ответа, после чего вошел пригнув голову, потому что двери в доме, где мы вынуждены пребывать, гораздо ниже тех, что были в нашем прежнем жилище. Мистер Дигвид – мужчина, начинающий лысеть, со слегка выпученными глазами, веки которых испещрены вздувшимися жилами. Он высок, худощав и ненавидит нагибать голову. В Блумсбери мистер Дигвид чувствует себя рыбой, которую выбросили из воды. Он долгие годы служил у моего отца в камердинерах, еще до моего рождения; вероятно, с тех пор, как семейство Кенуэй переехало в Лондон. Подобно всем нам, он был привязан к особняку на площади Королевы Анны. Возможно, его привязанность была крепче нашей. Переживания мистера Дигвида усугублены чувством вины. Семейные обстоятельства вынудили его отправиться в Херефордшир накануне атаки на дом. Он вернулся из поездки вместе с нашим кучером лишь утром следующего дня.

– Надеюсь, мастер Хэйтем, вы проявите милосердие и простите меня, – сказал он в один из последующих дней.

– Конечно, Дигвид. – Мне было тяжело смотреть на его бледное, осунувшееся лицо. Подражая взрослым, я называл его по фамилии, всегда испытывая при

этом какую-то неловкость. Разве он не заслуживал, чтобы к нему обращались по имени? Мне хотелось как-то подбодрить мистера Дигвида, но я смог лишь сказать: – Благодарю вас.

Сегодня утром в выражении лица мистера Дигвида ничего не изменилось. Пожалуй, лишь добавилось мрачной торжественности, из чего я заключил: он принес мне отнюдь не радостную весть.

– Мастер Хэйтем… – начал он, остановившись передо мною.

– Да, Дигвид? Я вас слушаю.

– Приношу вам тысячи извинений, мастер Хэйтем, но сегодня известные вам Барретты прислали записку. Там недвусмысленно сказано, что на похоронах молодого мастера Томаса они не желают видеть никого из семейства Кенуэй. Они вежливо требуют, чтобы мы вообще не вступали с ними в контакт.

– Благодарю, Дигвид, – сказал я.

Управляющий ответил кратким скорбным поклоном, после чего удалился, не менее скорбно нагнув голову, чтобы не задеть дверной проем.

Некоторое время я тупо смотрел туда, где еще недавно стоял мистер Дигвид. Потом ко мне зашла Бетти и помогла переодеться из траурной одежды в повседневную.

2

Как-то днем, примерно месяц назад, я играл в подвальном помещении нашего особняка. Там был коридорчик, который вел из комнаты для слуг в закрытую на крепкий внутренний замок буфетную, где, помимо столового серебра, извлекавшегося лишь в редких случаях приема гостей, хранились семейные реликвии, драгоценности матери и особо ценные отцовские книги. Ключ от буфетной постоянно висел у отца на поясе. Иногда он доверял ключ мистеру Дигвиду, но и то совсем ненадолго.

Мне нравилось играть в этом коридорчике, поскольку взрослые туда редко заходили. Там я мог не опасаться, что подойдет нянька и потребует встать с грязного пола или какой-нибудь слуга затеет вежливую беседу, а мне придется учтиво отвечать на вопросы об учебе и несуществующих друзьях. Более того, в коридорчике мне не грозила встреча с родителями, которые тоже потребовали бы встать с грязного пола, пока я не протер дыру в штанах, а потом заставили бы отвечать на вопросы об учебе и несуществующих друзьях. Но главное – туда ни за что не сунется Дженни. А уж она бы наградила меня презрительной усмешкой: «Ишь, в солдатики играет!», после чего из вредности непременно разметала бы мою оловянную армию.

Оглядываясь на прошлое, я понимаю: тот коридорчик был единственным местом нашего лондонского дома, где я мог рассчитывать на полное, ничем не нарушаемое уединение. И потому, когда мне хотелось спокойно поиграть или просто посидеть, я спускался туда.

Но кого уж я никак не ожидал увидеть в заветном коридорчике – так это мистера Берча. В упомянутый день он вдруг оказался там, когда я собирался начать расстановку сил моей армии. Поскольку там было темно, я захватил свечной фонарь. От сквозняка пламя в нем закачалось, угрожая погаснуть. Подняв глаза, я увидел мистера Берча, в сюртуке и с тростью в руках. Он остановился, глядя на меня. Может, и в его трости тоже спрятан кинжал?

– Мастер Хэйтем, я надеялся, что сумею найти вас здесь, – с улыбкой произнес Реджинальд. – Вы не заняты?

Я поднялся.

– Я просто играю, сэр, – торопливо ответил я. – Что-то случилось?

– О нет, все в порядке, – засмеялся он. – Меньше всего я намерен портить вам удовольствие от игры. Однако не скрою: я рассчитывал поговорить с вами кое о чем.

– Конечно, сэр, – ответил я, чувствуя, как сердце у меня уходит в пятки.

Ну вот, теперь мне придется отвечать на его вопросы о своих успехах по части арифметики. Да, я с удовольствием решаю примеры. Да, я с удовольствием занимаюсь чистописанием. Да, я надеюсь когда-нибудь стать таким же умным, как мой отец. Да, я надеюсь однажды пойти по его стопам.

Однако мистер Берч махнул рукой, предлагая мне вернуться к игре. Более того, он прислонил трость к стене, подтянул брюки и опустился на корточки рядом со мной.

– Так-так, и что у нас здесь? – спросил он, указывая на оловянные фигурки.

– Всего лишь игра, сэр, – ответил я, не понимая, куда он клонит.

– Стало быть, это ваши солдаты? – продолжал расспрашивать меня мистер Берч. – Который из них командир?

– Здесь нет командира, сэр, – сказал я.

Он сухо рассмеялся:

– Вашим солдатам, Хэйтем, обязательно нужен командующий. Иначе как они узнают о наиболее удачном маневре? Как еще укоренить в них неукоснительное соблюдение дисциплины? Заставить проникнуться духом сражения?

– Не знаю, сэр, – честно ответил я.

– Сделаем так.

Мистер Берч выбрал одного из солдатиков, обтер его обшлагом рукава и поставил в стороне от остальных.

– Назначим-ка мы этого молодца командиром. Как вы думаете?

– Если вам так будет угодно, сэр.

– Мастер Хэйтем, это ведь ваша игра, – улыбнулся мистер Берч. – Я всего лишь зритель, дерзнувший вмешаться в надежде, что вы научите его правилам.

– Да, сэр, при таких обстоятельствах солдатам действительно нужен командир.

Неожиданно дверь в коридорчик снова открылась. Я поднял голову и увидел мистера Дигвида. Свеча в фонаре вновь заморгала. Взрослые молча посмотрели друг на друга.

– Дигвид, что вам здесь нужно? – натянуто спросил мистер Берч.

– Ничего, сэр. – И управляющий с поклоном удалился.

– Отлично, – произнес мистер Берч, возвращаясь к игре. – А теперь мы переместим командира вот сюда. Он будет вдохновлять солдат на подвиги, учить дисциплине, порядку и верности. Как вы думаете, мастер Хэйтем?

– Да, сэр, – послушно ответил я.

– Но это еще не все, мастер Хэйтем.

Мистер Берч взял из общего строя еще одного солдатика, поставив того рядом с назначенными командиром.

– Командиру нужны надежные лейтенанты, на которых он может опереться. Вы согласны?

– Да, сэр, – подтвердил я.

Возникла длительная пауза. Я смотрел, как мистер Берч с необычайным вниманием поместил возле командира еще двух лейтенантов. Пауза становилась все тягостнее. И тогда я заговорил, сделав это скорее из желания прервать гнетущее молчание, чем из готовности обсуждать то, ради чего мистер Берч разыскал меня здесь.

– Сэр, наверное, вы хотели поговорить о моей сестре?

– Мастер Хэйтем, вы видите меня насквозь, – громко засмеялся мистер Берч. – Ваш отец – прекрасный учитель. Как вижу, среди прочего он учит вас проявлять хитрость и смекалку.

Я не совсем понимал, что? мистер Берч имел в виду, а потому промолчал.

– А можно узнать, как ваши успехи в овладении мечом? – вдруг спросил он.

– Успехи есть, сэр. Отец говорит, что мои навыки улучшаются день ото дня, – с гордостью ответил я.

– Замечательно. Рад слышать. А отец когда-нибудь рассказывал вам, с какой целью вы всему этому учитесь?

– Нет, сэр. Отец лишь говорит, что это – приготовление к настоящей учебе, которая начнется, когда мне исполнится десять.

– Интересно, что же он скажет вам тогда? – морща лоб, проговорил мистер Берч. – Вы-то сами что думаете?

– Не имею понятия, сэр, – сознался я. – Отец лишь упомянул, что расскажет мне о пути, по которому я пойду. И еще – о каком-то кредо.

– Вот оно что! Очень интригующе. И отец не дал никаких намеков на то, что за кредо это может быть?

– Нет, сэр.

– Просто потрясающе! Держу пари, вы ждете не дождетесь своего десятого дня рождения. А позвольте полюбопытствовать: отец уже подарил вам настоящий меч, чтобы ваша учеба шла успешнее? Или вы по-прежнему упражняетесь на деревянных мечах, которые немногим лучше обыкновенных палок?

Вопросы мистера Берча начинали меня раздражать.

– У меня есть настоящий меч, сэр.

– Я бы с большим удовольствием взглянул на него, мастер Хэйтем.

– Меч хранится в игровой комнате, сэр. В надежном месте, доступ к которому есть только у моего отца и у меня.

– Только у вашего отца и у вас? Значит, вы в любое время можете пойти и взять меч?

Я покраснел, но в тусклом свете фонаря мистер Берч не мог видеть ни пылающих щек, ни замешательства на моем лице.

– Это значит, сэр, что я знаю, где хранится меч, однако мне неизвестно, как его достать.

– Понимаю, – усмехнулся мистер Берч. – Стало быть, тайник? И устроен он, скорее всего, где-нибудь в книжном стеллаже.

Мое лицо, должно быть, говорило красноречивее всяких слов. Мистер Берч ободряюще засмеялся:

– Не беспокойтесь, мастер Хэйтем. Я уважаю чужие тайны.

– Благодарю вас, сэр.

– Тогда мы поняли друг друга.

Мистер Берч выпрямился, взял трость, смахнул с брюк пыль (настоящую или привидевшуюся ему), после чего направился к двери.

– А моя сестра, сэр? – напомнил я. – Вы так о ней и не спросили.

Мистер Берч остановился. Негромко рассмеявшись, он взъерошил мне волосы. Мне нравился этот жест – наверное, потому, что часто так делал мой отец.

– В этом нет необходимости. Юный мастер Хэйтем рассказал мне все, что требовалось. А именно: вы знаете о прекрасной Дженнифер столь же мало, как и

я. Думается, так и должно быть. Женщины должны оставаться для нас загадкой. Вы согласны, мастер Хэйтем?

Я понятия не имел, о чем он говорит, но улыбнулся. Когда мистер Берч покинул коридорчик, я облегченно вздохнул.

3

После того разговора прошло несколько дней. Я направлялся к себе в комнату. У двери отцовского кабинета я услышал громкие голоса. Отец и мистер Берч о чем-то спорили.

Боясь, что меня застигнут за подслушиванием и накажут, я отошел подальше. Как оказалось, не напрасно. Буквально через минуту дверь кабинета широко распахнулась, и оттуда выскочил мистер Берч. Его щеки пылали, глаза сверкали. Таким я его видел впервые. Заметив меня, мистер Берч взял себя в руки.

– Я пытался, мастер Хэйтем, – бросил он мне, застегивая плащ и готовясь уйти. – Я пытался предостеречь вашего отца.

С этими словами он надел треуголку и быстро зашагал к выходу. Из кабинета вышел отец. Он сердито глядел вслед удаляющемуся мистер Берчу. Я чувствовал: они поссорились. Но это были взрослые дела, в которых я ничего не понимал, и поэтому я не стал больше размышлять о случившемся.

Как я теперь понимаю, напрасно я не придал значения этой ссоре. Через пару дней наш дом подвергся нападению.

4

Это произошло ночью, накануне моего дня рождения. Я имею в виду атаку на наш лондонский дом. Мне не спалось в предвкушении завтрашних торжеств. И

потом, у меня выработалась привычка: когда Эдит, пожелав мне спокойной ночи, уходила из комнаты, я садился на подоконник и смотрел в окно. С этой выгодной позиции я наблюдал за тем, как по траве, залитой лунным светом, пробегали кошки, собаки и даже лисы. Если мне надоедало наблюдать за дикой природой, я смотрел на луну и посеребренные ее светом траву и деревья. Заметив вдалеке огоньки, я поначалу принял их за светлячков, про которых я знал лишь то, что они собираются кучками и излучают тусклый свет. Однако вскоре я обнаружил: свет этот совсем не тусклый. Более того, он то вспыхивал, то вновь гас. Кто-то подавал сигналы.

У меня перехватило дыхание. Сигнальные огни исходили откуда-то неподалеку – как будто бы от старой деревянной двери в садовой стене. Той, через которую два года назад я разговаривал с Томом. И сначала я подумал, что это сосед пытается со мной связаться. Мне даже в голову не пришло, что сигнал предназначался не мне, а кому-то другому. Я торопливо натянул брюки, заправил в них ночную рубашку и пристегнул подтяжки. Оставалось надеть пальто. У меня не было и мысли об опасности. Наоборот, я предвкушал захватывающее приключение.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: сидеть на подоконнике и разглядывать из окна ночную жизнь нравилось не только мне, но и Тому тоже. Как и я, он увидел сигнал и решил, что его сосед пытается с ним связаться. Он поступил точно так же: торопливо оделся и вышел проверить свою догадку…

У дома на площади Королевы Анны появились новые люди – пара суровых отставных солдат, нанятых отцом. Объясняя необходимость их присутствия, он сказал лишь, что получил некие «сведения».

Всего лишь какие-то «сведения». И тогда, и сейчас я продолжаю размышлять над смыслом его слов. Было ли появление солдат как-то связано с размолвкой между отцом и мистером Берчем? Как бы там ни было, присутствие новых лиц в нашем доме почти не ощущалось. Первый нес караул в одной из гостиных фасадной части особняка. Второй разместился в проходе для слуг, возле камина, и вроде бы охранял буфетную. Я сумел незаметно прошмыгнуть мимо обоих и добраться до кухни, освещенной луной. Я редко бывал здесь, но такой тихой и сумрачной видел кухню впервые.

И такой холодной. У меня изо рта шел пар. Я поежился. Хотя у меня в комнате было не слишком тепло, в кухне было не теплее, чем на улице.

Я зажег найденную возле двери свечку и, прикрывая ладонью ее пляшущее пламя, вышел в конюшню. Я ошибся: снаружи было еще холоднее, чем на кухне. От холода у меня перехватило дыхание. Я стоял, не зная, возвращаться ли к себе или продолжать свое маленькое расследование.

Одна из лошадей заржала и ударила копытом. Не знаю как, но эти звуки помогли мне принять решение. Я на цыпочках пробрался мимо стойл, достиг сначала боковой стены, а потом и больших полукруглых ворот конюшни. Толкнув створку, я вышел в сад. Пройдя мимо яблонь, ощетинившихся голыми черными ветвями, я оказался на открытом пространстве. Дом находился справа от меня. Я уже представлял, как из каждого окна на меня смотрит знакомое лицо: Эдит, Бетти, родители – с нескрываемым осуждением, полагая, что я спятил, променяв тепло собственной кровати на ночной холод. По крайней мере, так всегда говорили Эдит и отец, распекая меня за шалости.

Напрасно я думал, что меня сейчас окликнут. В доме было тихо. Тогда я побежал вдоль внешней стены к двери. Я и сейчас дрожал от холода, но воображение рисовало мне наш с Томом полночный пир. Я почему-то думал, что он захватил из дома ветчину, хлеб и печенье. А может, даже горячий пунш… Это было бы лучшим добавлением к нашему пиршеству!

Раздался собачий лай. Это был Тэтч – ирландская ищейка отца. Он жил на конюшне, в конуре. Я застыл, спрятавшись за ветвями ивы. Лай прекратился столь же внезапно, как и начался. Я не думал о причинах столь странного поведения собаки. Мне и в голову не пришло, что кто-то из незваных гостей перерезал псу глотку. Сейчас мы склонны думать, что нападавших было пятеро. Вооруженные ножами и мечами, они подползали к нашему дому, а я спешил на встречу с Томом и больше ни о чем не думал.

Да и откуда мне было знать о налетчиках? Я был глупым мальчишкой, безрассудно храбрым и жаждавшим приключений. И конечно же, ветчины с хлебом. Поэтому я продолжил красться вдоль стены, пока не достиг заветной двери…

Она была не заперта.

А чего я, собственно, ожидал? Я думал, что мы с Томом встретимся возле закрытой двери и кто-то из нас перелезет через стену? Или мы просто

поболтаем через щель, как в прошлый раз? Вид открытой двери обескуражил меня и насторожил. До меня постепенно начало доходить, что сигналы, которые я видел из окна своей комнаты, могли предназначаться совсем не мне.

– Том? – шепотом позвал я.

Ответа не последовало. Вокруг стояла мертвая тишина: ни птиц, ни шорохов в траве. Даже собаки в соседних домах не лаяли. Мне стало не по себе. Не ломая голову над тем, кто и зачем открыл дверь, годами остававшуюся закрытой, я собрался вернуться в дом, в свою теплую постель, где мне ничто не угрожало. И вдруг в проходе я увидел чью-то ногу. Я сделал еще пару шагов. Проход утопал в грязновато-белом лунном свете, отблески которого лежали на всем, включая и распростертое на земле тело.

Он полулежал (или полусидел) возле противоположной стены. Одет он был так же, как я, с той лишь разницей, что свою ночную рубашку он не заправил в брюки, и она топорщилась у него между ног. Сами ноги были неестественно вывернуты.

Это был Том. Его мертвые глаза смотрели на меня из-под полей сбившейся набекрень шляпы, но уже ничего не видели. Ему перерезали горло. Кровь продолжала вытекать из глубокой раны, зловеще поблескивая в свете безучастной луны.

У меня громко застучали зубы. Я ойкнул, не сразу узнав свой голос. В голове замелькали десятки жутких мыслей.

Дальнейшие события разворачивались с такой стремительной быстротой, что я не помню их точной последовательности. Со стороны дома донесся звон разбитого стекла и чей-то крик.

«Беги!»

Все голоса, звучавшие у меня в голове, хором повторяли это слово.

«Беги!»

Я подчинился им и побежал. Но только не туда, куда они меня направляли. Отец учил меня полагаться на внутреннее чутье, а все внутри меня в тот момент требовало бежать со всех ног подальше от жуткой опасности. Я же понесся ей навстречу.

Пулей пролетев через конюшню, я вбежал в кухню, даже не заметив, что дверь в нее также распахнута настежь. Из коридора послышались новые крики. На кухонном полу блестела лужа крови. Я бросился к лестнице и чуть не споткнулся о тело одного из солдат. Он лежал, держась за живот, и явно был при смерти: его веки лихорадочно вздрагивали, а изо рта текла струйка крови.

Я переступил через умирающего и бросился дальше. Моей единственной мыслью было поскорее добраться до родительской спальни. В темной передней слышались крики и топот бегущих ног, а также виднелись первые струйки дыма. Я пытался взять себя в руки. Сверху послышался крик – я поднял голову и увидел на площадке второго этажа мечущиеся тени. В руках одного из нападавших блеснул кинжал. Ему противостоял отцовский слуга, но мерцающий свет не позволил мне хорошенько разглядеть происходящее. Я лишь услышал и как бы почувствовал ногами глухой стук падающего тела о деревянные половицы. Убийца испустил торжествующий вопль и бросился по коридору к родительской спальне.

– Мама! – закричал я, взлетая по лестнице.

Пока я бежал, дверь спальни распахнулась, и оттуда выскочил мой отец. Подтяжки его брюк были надеты на голые плечи. Всклокоченные волосы торчали во все стороны. В левой руке отец держал фонарь, правая сжимала меч.

– Хэйтем! – позвал отец.

В этот момент я оказался на площадке второго этажа, а нападавший – между мной и отцом. Он остановился, и свет отцовского фонаря позволил мне разглядеть наглеца, посмевшего вторгнуться в наш дом. На нем были облегающие брюки и черная кожаная жилетка-доспех. Лицо скрывала полумаска, наподобие тех, что надевают на маскарады. И вдруг, вместо того чтобы броситься на моего отца, чужак ухмыльнулся и кинулся ко мне.

– Хэйтем! – снова крикнул отец.

Оттолкнув мать, он побежал за человеком в маске. Расстояние между ними сокращалось, но убийца был ближе ко мне, а я не собирался становиться его легкой добычей. Я повернулся к лестнице и тут увидел второго нападавшего, перегородившего мне путь. Одет он был так же, как и первый, за одним исключением: его уши. Они у него были заостренными, что вместе с маской делало его похожим на уродливую куклу. Я на мгновение застыл, и в этот момент отец настиг первого налетчика. Послышался звон их мечей. Фонарь отец оставил на полу, и потому они сражались в полутьме. Битва была короткой и жестокой и лишь изредка прерывалась возгласами и лязгом оружия. Несмотря на всю опасность ситуации, я все равно жалел, что недостаток света мешает разглядеть приемы противников.

Сражение закончилось. Убийца больше не ухмылялся. Выронив меч, он перелетел через перила и с предсмертным криком рухнул вниз. Остроухий одолел половину лестницы и вдруг, передумав, побежал обратно в переднюю.

Снизу послышался крик. Я увидел третьего нападающего, он тоже был в маске. Вместе налетчики быстро скрылись из виду. Я поднял голову и в тусклом свете фонаря поймал озабоченный взгляд отца.

– Игровая комната, – произнес он.

Ни я, ни мать не могли ему помешать. Отец перемахнул через перила, мягко приземлился и побежал следом за нападавшими.

– Эдвард! – крикнула мать.

Боль в ее голосе отдалась в моей голове одной-единственной мыслью: отец оставил нас на произвол судьбы.

«Почему он погнался за теми двумя, бросив нас?»

Мама вдруг ринулась ко мне. Ее лицо превратилось в маску ужаса, и вскоре я понял почему. По второй лестнице поднимался четвертый нападавший, и в тот момент, когда мать подбежала ко мне, он догнал ее, схватил за волосы и приставил к горлу меч.

Не раздумывая, я нагнулся, подхватил меч только что убитого налетчика, обеими руками поднял его над головой и нанес удар потенциальному убийце матери, опередив его на какие-то секунды.

Я не промахнулся. Острие меча ударило прямо в глазную прорезь маски и вонзилось нападавшему в глаз. Он испустил душераздирающий вопль и упал, умерев раньше, чем его голова ударилась об пол.

Мать бросилась ко мне в объятия и спрятала голову у меня на плече. Я переложил меч в другую руку, и мы стали спускаться вниз. Отправляясь по делам, отец часто говорил мне:

– Хэйтем, ты сегодня за главного. Защищай маму.

Сегодня я исполнил свой долг.

Мы спустились вниз. В доме установилась странная тишина. Передняя была пуста. Там, где мы стояли, было сумрачно, но дальше пространство озарялось зловещим оранжевым сиянием. Оно то разгоралось, то тускнело. В воздухе все отчетливее пахло дымом. На полу лежали тела убитых: ухмылявшийся нападающий, молодой слуга… и Эдит. Моя нянька лежала в луже крови с перерезанным горлом.

Увидев труп Эдит, мать вскрикнула и попыталась увести меня к выходу. Но из полуоткрытой двери игровой комнаты доносились звуки сражения. Отец бился против троих.

– Отцу нужна моя помощь, – сказал я, пытаясь высвободиться из рук матери.

Она же, разгадав мое намерение, явно не желала меня отпускать. Тогда я вырвал свою руку с такой силой, что мать качнулась и упала на пол.

Это привело меня в замешательство. Я было хотел опуститься рядом с ней на колени и просить у нее прощения, но громкий крик отца, донесшийся из игровой комнаты, заставил меня броситься туда.

Я сразу увидел открытый тайник в книжном стеллаже. Там все так же лежала коробка с моим мечом. В остальном комната ничуть не изменилась. Бильярдный стол, накрытый чехлом, по-прежнему был отодвинут – не далее как сегодня днем отец занимался здесь со мной. Я помнил его одобрительные кивки и краткие, но точные указания моих ошибок.

Отца я застал на коленях. Он был при смерти.

Над отцом стоял один из нападавших. Его меч вонзился отцу в грудь по самый эфес. Часть лезвия выглядывала из спины, и оттуда на пол капала кровь. Неподалеку стоял Остроухий, ощупывая большую рану на щеке. Вдвоем они все-таки одолели отца.

Я кинулся к убийце, застигнув его врасплох. Времени вытаскивать меч из отцовской груди у него не было. Уворачиваясь от моего меча, убийца отпустил эфес своего. Отец повалился на пол.

Как глупец, я продолжал наступать на убийцу, забыв о его сообщнике. Краешком глаза я увидел, что Остроухий тронулся с места и танцующей походкой направился ко мне. Не знаю, намеренно ли или нечаянно, только ударил он меня не лезвием, а эфесом меча. В глазах у меня потемнело, я повалился на пол, стукнувшись головой о ножку бильярдного стола. Голова закружилась. Отец лежал на боку напротив меня. Из его груди по-прежнему торчал эфес меча, но он был все еще жив. Губы отца шевелились. Сквозь густое облако боли и скорби я увидел его руку, протянутую ко мне.

– Отец, – успел произнести я.

Еще через мгновение убийца вернулся и, нагнувшись, выдернул свой меч. Отец дернулся всем телом. Его спина выгнулась, принимая последнюю судорогу боли. Рот открылся, обнажая окровавленные зубы. И вскоре его не стало.

Меня толкнули сапогом в бок, переворачивая на спину. Злорадно ухмыляясь, убийца отца смотрел на меня, готовясь расправиться и со мной. Обхватив эфес обеими руками, он занес меч, чтобы одним ударом оборвать мою жизнь.

Если мне было стыдно писать о том, как в саду внутренний голос велел мне спасаться бегством, то о своем дальнейшем поведении я пишу с гордостью.

Предательский голос умолк. Я встречал смерть с достоинством, сознавая: я сделал все, что было в моих силах, для защиты моей семьи и скоро вновь встречусь с отцом.

Однако судьба распорядилась иначе. Ведь не призрак же сейчас пишет эти слова. Что-то заставило меня оторвать взгляд от меча убийцы. У него между ног я увидел острие другого меча, которое стремительно поднималось, рассекая убийцу надвое. Судя по всему, мой нежданный спаситель просто хотел не дать налетчику рухнуть на меня. И тем не менее удар получился достаточно жестоким. Убийца отца завопил от боли – из страшной раны хлынула кровь, увлекая за собой внутренности. Следом на пол рухнуло безжизненное тело.

Моим спасителем оказался мистер Берч.

– Хэйтем, вы не пострадали? – спросил он.

– Нет, сэр, – выдохнул я.

– Отлично. – Он быстро повернулся, парируя удар Остроухого.

Я поднялся на колени, схватил валявшийся меч и приготовился сражаться вместе с мистером Берчем. Тот теснил Остроухого, вынуждая отступать к двери игровой комнаты. Неожиданно налетчик что-то увидел за дверью и рванулся вперед. Мистер Берч вдруг отступил и выставил вбок руку, останавливая меня. Остроухий снова появился в игровой комнате, но уже не один, а с пленницей. Я было подумал, что он захватил в плен мою мать, и сжался от страха. Нет, не ее. Дженни.

– Не приближаться! – рявкнул Остроухий.

Дженни тихо всхлипывала. В широко раскрытых глазах застыл ужас. Лезвие меча Остроухого было приставлено к ее горлу.

Позволит ли совесть мне признаться, что в тот момент я больше думал о мести за убийство отца, чем о спасении Дженни?

– Стоять, где стоите! – потребовал Остроухий, выволакивая сестру из комнаты.

Край ее ночной сорочки чуть приподнялся, обнажая лодыжки, – Остроухий волок ее по полу. И вдруг к налетчику подскочил новый сообщник, с факелом в руке. Передняя успела наполниться дымом. Огонь полыхал и в другой части дома. Пламя лизало двери гостиной. Человек с факелом метнулся к портьерам и поджег их. Пламя отрезало нас с мистером Берчем от убийц.

Я мельком взглянул на мать. Слава богу, она не пострадала. Но вот Дженни… Остроухий поволок ее к выходу. Сестра безотрывно глядела на нас с мистером Берчем, словно мы были ее последней надеждой. Человек с факелом распахнул входную дверь и побежал к карете, остановившейся неподалеку.

Мне подумалось, что они отпустят Дженни, как только окажутся в карете. Увы! Сестру, несмотря на ее пронзительные крики, втолкнули внутрь. Кучер (и он был в маске) тронул поводья и взмахнул кнутом. Карета с грохотом помчалась в ночную тьму. В тот момент я совсем не думал о Дженни. Нужно было успеть вынести из горящего дома тела убитых и выбраться самим.

10 декабря 1735 г

1

Сегодня мы хоронили отца. Однако мои первые мысли, когда я проснулся поутру, были не об отце и не о похоронах, а о буфетной нашего сгоревшего особняка на площади Королевы Анны.

Нападавшие не пытались туда проникнуть. Отец опасался грабежа, отчего и нанял двух отставных солдат. Но те, кто вторгся в наш дом, сразу бросились наверх, словно их совсем не занимала буфетная и собранные там ценности.

Тогда какова была цель их нападения? Похитить Дженни? Убить отца? Было ли это частью их планов?

Вот с такими мыслями я проснулся в комнате, которую смело мог бы назвать холодильником. Меня это не удивило. В ней никогда не было особенно тепло. Просто сегодня холод показался мне особенно сильным. От такого холода стучат зубы. Он пробирает до костей, вымораживая тело изнутри. Неужели камин успел потухнуть? Я повернул голову и увидел, что его вообще не растапливали. Каминная решетка была серой от золы.

Я вылез из постели и подошел к окну. Стекло с внутренней стороны покрылось ледяными узорами, за которыми было совсем не разглядеть улицу. Сопя от холода, я оделся и вышел из комнаты. Меня поразила тишина в доме. Стараясь не скрипеть ступенями лестницы, я спустился вниз, подошел к двери комнаты Бетти и постучался. Ответа не последовало. Я снова постучал, уже громче. Бетти не откликалась. Ощутив легкое беспокойство за служанку, я нагнулся и заглянул в замочную скважину, моля Бога, чтобы не увидеть ничего такого, что не предназначалось для моих глаз.

В комнате стояло две кровати. На одной спала Бетти. Вторая была аккуратно заправлена, хотя у изножья стояли мужские сапоги с серебряными накладками на каблуках. Я перевел взгляд на служанку. Ее одеяло равномерно поднималось и опускалось. Убедившись, что она просто спит, я выпрямился и побрел на кухню.

Там я застал миссис Сирл. Она смерила меня недовольным взглядом, затем продолжила что-то резать на разделочной доске. Не то чтобы мы с миссис Сирл поссорились накануне, она и раньше поглядывала на всех с недоверием, но после нападения ее подозрительность только возросла.

– От нее благодушия вовек не дождешься, – как-то сказала мне Бетти, с которой после нападения тоже произошла перемена, но иного свойства.

Она стала гораздо откровеннее и время от времени выказывала свои настоящие чувства относительно того или иного предмета или человека. Например, я только теперь узнал, что они с миссис Сирл недолюбливают друг друга. Вдобавок Бетти призналась мне, что всегда с подозрением относилась к мистеру Берчу.

– Не знаю, почему это он принимает решения от имени семейства Кенуэй, – мрачно обронила она не далее как вчера. – Он – не член семьи, и сомневаюсь,

что когда-либо станет таковым.

Невысокое мнение Бетти о миссис Сирл сделало домоправительницу и в моих глазах менее грозной и неприступной. Раньше я бы крепко подумал, прежде чем вот так запросто прийти на кухню и попросить еды.

– Доброе утро, миссис Сирл, – произнес я.

Она слегка поклонилась мне. В кухне было не теплее, чем у меня в комнате. Миссис Сирл хозяйничала там одна. В нашем лондонском доме у нее было три помощницы, не говоря о прочих слугах, которые постоянно входили и выходили из массивных двустворчатых дверей кухни. Но вторжение пятерки вооруженных негодяев в масках нагнало страху на слуг. Они разбежались кто куда. Вернулись считаные единицы.

Сейчас нас окружали лишь миссис Сирл, Бетти, мистер Дигвид, горничная по имени Эмили и мисс Дэви – камеристка матери. Это все, что осталось от обширного штата слуг семейства Кенуэй. Впрочем, и само семейство уменьшилось вдвое: остались только мама и я.

Кухню я покидал с куском пирога, завернутым в полотняную салфетку. Миссис Сирл подала мне его, наградив угрюмым взглядом. Конечно же, ей не нравилось, что ранним утром я болтаюсь по дому и кусочничаю, не дождавшись завтрака, который она принялась готовить. Что бы там ни говорила Бетти, а миссис Сирл мне нравилась. Она – одна из немногих слуг, которые не покинули нас после той страшной ночи.

Однако сейчас я думал не об экономке, а об отцовских похоронах. И о матери, разумеется.

Размышляя, я незаметно оказался в передней, остановившись перед входной дверью. Рука сама толкнула створки, и я оказался на крыльце. Потом ноги сами сбежали по ступенькам, и я оказался в мире, густо покрытом инеем.

– Мастер Хэйтем, за каким чертом вас понесло из дому с утра пораньше, да еще в такую холодину?

Я едва успел спуститься с крыльца, когда к дому подъехала карета. В окошке я увидел мистера Берча. Сегодня он надел другую, более внушительную и теплую шляпу, а лицо почти по самый нос обмотал шарфом. С виду его вполне можно было принять за разбойника с большой дороги.

– Просто решил немного подышать воздухом, сэр, – сказал я.

Мистер Берч опустил шарф и попытался улыбнуться. Раньше, когда он улыбался, его глаза весело мерцали. Сейчас они больше напоминали угасающие угли, безуспешно старающиеся дать хоть немного тепла. Его голос был таким же усталым, как и взгляд.

– По-моему, мастер Хэйтем, я знаю, что вы ищете.

– И что же, сэр?

– Дорогу домой. Я угадал?

Подумав, я понял: он был прав. К сожалению, первые десять лет жизни меня пасли няньки и родители, отгораживая от окружающего мира. Я знал, что площадь Королевы Анны находится совсем неподалеку и туда можно дойти пешком. А вот как туда идти – об этом я не имел ни малейшего представления.

– Но что именно вы собираетесь там найти?

Я пожал плечами, мысленно представив себе, как доберусь до стен сгоревшего дома, войду в игровую комнату и заберу…

– Ваш меч?

Я кивнул.

– Боюсь, что бродить по дому в его нынешнем состоянии очень опасно. Однако вам все равно хочется там побывать? Что ж, я могу вам это устроить.

Забирайтесь в карету, а то снаружи просто собачий холод.

Я не видел причин отказываться, особенно после того, как мистер Берч подал мне плащ и шляпу, словно специально подготовленные для меня.

Путь до площади Королевы Анны занял совсем немного времени. Наш прежний дом выглядел совсем не так, как я его представлял. Хуже. Гораздо хуже. Казалось, словно Бог, прогневавшись на нас, ударил по нему кулаком, пробив громадную дыру с рваными краями. Теперь это был не дом, а лишь его бренные останки.

Я смотрел сквозь разбитые окна. Черная от копоти прихожая. Сгоревшие полы. Уцелевшая каменная лестница, заваленная почерневшими обломками. Обезображенная огнем мебель. Сгоревшие картины и черные скелеты рам, висящие вкривь и вкось.

– Мне очень жаль, мастер Хэйтем, – тихо сказал мистер Берч. – Но заходить внутрь крайне опасно.

Я молчал. Мистер Берч повел меня к карете. Мы сели. Реджинальд закрыл дверцу и дважды постучал тростью по потолку кареты. Кучер тронулся с места.

– И тем не менее, – вдруг сказал мистер Берч, – я взял на себя смелость и добыл вчера ваш меч.

С этими словами мистер Берч достал из-под сиденья знакомую коробку. Ее крышка была покрыта густым слоем сажи. Реджинальд поставил коробку себе на колени и осторожно поднял крышку… Меч выглядел точно так же, как в первый раз, когда я его увидел.

– Благодарю вас, мистер Берч, – только и мог вымолвить я.

Он закрыл крышку, поместив коробку на сиденье между нами.

– Замечательный меч, Хэйтем. Не сомневаюсь, вы будете его беречь.

– Непременно, сэр.

– И когда же он вкусит первой крови?

– Не знаю, сэр.

Возникла пауза. Мистер Берч сидел, зажав трость между колен.

– В ночь нападения вы убили человека, – сказал он, отворачиваясь к окошку.

Дома, мимо которых мы проезжали, тонули в тумане, к которому примешивался дым из их труб. Час был еще весьма ранний. Улицы дремали на морозном воздухе.

– Хэйтем, что вы при этом чувствовали?

– Я защищал свою мать, сэр.

– Да, Хэйтем, у вас не было иного выбора, и вы поступили правильно, – кивнул мистер Берч. – Не позволяйте себе усомниться в правильности ваших действий. Но даже чрезвычайные обстоятельства, в которых вы действовали, не меняют очевидного факта: убийство человека – не пустяк, кто бы его ни совершил – ваш покойный отец или я. И в особенности – джентльмен, находящийся в столь нежном возрасте, как ваш.

– Меня не огорчило то, что я сделал. Я не мог не убить его.

– А потом вы размышляли об этом?

– Нет, сэр. Я думал только об отце и матери.

– И наверное, о… Дженни? – подсказал мистер Берч.

– Да, сэр. О ней тоже.

Мистер Берч снова умолк, а когда заговорил, в его голосе появилась какая-то торжественность.

– Хэйтем, мы должны ее найти.

Я молчал.

– Я намереваюсь отправиться в Европу, где, как мы полагаем, ее удерживают.

– Сэр, откуда вы знаете, что она в Европе?

– Хэйтем, я принадлежу к одной влиятельной и могущественной организации. Это нечто вроде клуба или общества. Одним из многочисленных преимуществ членства в этой организации является наличие ушей и глаз повсюду, даже в самых укромных уголках.

– Как она называется, сэр? – спросил я.

– Тамплиеры, мастер Хэйтем. Я – рыцарь-тамплиер.

– Рыцарь? – переспросил я, уставившись на него.

Мистер Берч хмыкнул:

– Конечно, Хэйтем, внешне я не похож на рыцарей, каких вы видели на картинках в книгах по истории. Сейчас не Средние века, и стальные латы нам ни к чему. А вот наши идеалы остались прежними. Сотни лет назад наши предшественники поддерживали мир на Святой земле. Подобно им, мы являемся незримой властью, помогающей поддерживать мир и порядок в нынешнем, восемнадцатом столетии. – Он махнул в сторону окошка; лондонские улицы становились все оживленнее. – Вся эта жизнь, Хэйтем, требует упорядоченности и дисциплины, а упорядоченность и дисциплина требуют примера для подражания. Рыцари-тамплиеры как раз и являются таким примером.

У меня голова пошла кругом.

– Где проходят ваши встречи? Чем вы занимаетесь? У вас совсем нет доспехов?

– Не торопитесь, Хэйтем. Потерпите. Потом я расскажу вам больше.

– Значит, и мой отец был членом вашей организации? Он был рыцарем? – У меня гулко забилось сердце. – Он и меня готовил к посвящению в рыцари?

– Нет, Хэйтем, рыцарем он не был. Насколько мне известно, он учил вас владеть оружием всего лишь… впрочем, одно то, что ваша мать осталась жива, подтверждает ценность его уроков. Мои отношения с вашим отцом определялись не моим членством в ордене тамплиеров. Рад вам сообщить, что ваш отец взял меня на работу, поскольку я достаточно опытен по части управления недвижимым имуществом. Моя принадлежность к ордену здесь ни при чем. Тем не менее ваш отец знал, что я являюсь рыцарем. Как-никак тамплиеры поддерживают связи со многими богатыми и влиятельными людьми. Порой это бывает очень полезно для целей ордена. Ваш отец хотя и не был тамплиером, но его ум и сметливость позволяли ему оценить полезность контактов с нами… – Мистер Берч глубоко вздохнул. – Например, заблаговременное предупреждение о готовящемся нападении на ваш дом. Боюсь, именно я принес дурные вести, Хэйтем. Меня интересовали его соображения на сей счет – с чего это вдруг он оказался мишенью. Но он лишь высмеял мои предостережения, хотя я чувствовал, что на самом деле ему совсем не до смеха. Мы с ним крупно поспорили. Дошло до повышенных тонов. Я жалею лишь об одном: что не был достаточно настойчив.

– Так вот о чем вы спорили, когда я нечаянно подслушал ваш разговор?

Мистер Берч бросил на меня быстрый взгляд:

– Значит, вы все слышали?

Я возблагодарил судьбу за то, что не стал тогда подслушивать.

– Нет, сэр. Я лишь слышал громкие рассерженные голоса, не более того.

Мистер Берч снова посмотрел на меня. Удостоверившись, что я сказал правду, он отвернулся и продолжал:

– Ваш отец был упрямым человеком и во многом – непостижимым для меня.

– Но он не оставил ваши предостережения без внимания, сэр. Отец нанял двух отставных солдат.

– Ваш отец не принял угрозу всерьез, – вздохнул мистер Берч. – Сам он ничего не стал бы делать. Убедившись в этом, я рискнул сообщить вашей матери. Только по ее настоянию он нанял этих солдат. Я сожалею, что не успел заменить их людьми из наших рядов. Их было бы не так просто одолеть. Все, что я могу сделать сейчас, – это попытаться найти вашу сестру и наказать ее похитителей. Я обязан узнать, чем было вызвано нападение на вашего отца. Мастер Хэйтем, что вам известно о жизни отца до того, как он обосновался в Лондоне?

– Ничего, сэр.

Мистер Берч сухо рассмеялся:

– В таком случае мы с вами – в одинаковом положении. И не только мы. Ваша мать тоже почти ничего не знала о своем муже.

– А Дженни, сэр?

– Ах, Дженни… Столь же непостижимая, как и ее отец. Достойная обожания, она была полна загадок и тайн.

– Почему «была», сэр?

– Всего лишь оборот речи, мастер Хэйтем. Во всяком случае, я искренне на это надеюсь. Уверен, похитители не станут ее убивать – она нужна им живой.

– Вы думаете, ее похитили ради выкупа?

– Ваш отец был очень богат. Возможно, это и стало причиной нападения. Налетчики не собирались убивать вашего отца. Однако я могу ошибаться, и целью нападения могло быть именно его убийство… У нас с вашим отцом были весьма доверительные отношения. Будь у него враги, да еще такие, кто способен устроить атаку на дом, я бы об этом знал. Я говорю о серьезных врагах, а не просто о каких-то рассерженных арендаторах. Я перебрал несколько возможных вариантов, и они неизменно приводили меня к одинаковому выводу:

нападение было способом поквитаться с вашим отцом. Если мое предположение верно, речь идет о давнишней вражде; о событиях, имевших место до переезда вашего отца в Лондон. Дженни, знающая о его прежней жизни, могла бы пролить свет на случившееся. Вот почему, Хэйтем, нам необходимо разыскать вашу сестру.

Мистер Берч сделал особый упор на слове «нам».

– Как я сказал, велика вероятность того, что Дженни вывезли в Европу. Следовательно, и мы начнем свои поиски с континента. Говоря «мы», я имею в виду нас с вами, Хэйтем.

– Сэр… я не ослышался? – спросил я, не веря своим ушам.

– Нет, Хэйтем. Вы поедете со мной.

– Но, сэр, мать нуждается в моей защите. Я не могу оставить ее одну.

Взгляд мистера Берча не был ни добрым, ни злым. Просто взгляд человека, обсуждающего повседневные дела.

– Хэйтем, боюсь, что решение уже принято.

– Ею?

– Да… отчасти.

– Как понимать ваши слова, сэр?

Мистер Берч вздохнул:

– Скажите, Хэйтем, вы говорили с матерью после той ночи?

– Она была слишком подавлена случившимся и не желала видеть никого, кроме Эмили и мисс Дэви. Мать практически не выходит из своей комнаты. По словам мисс Дэви, как только она немного оправится, она меня позовет.

– Когда вы увидитесь с матерью, вы найдете ее изменившейся.

– Сэр?

– В ночь нападения Тесса пережила два потрясения. Ее муж погиб, а ее малолетний сын убил человека. Эти события, Хэйтем, глубоко подействовали на нее. Ваша мать уже не та, какой вы ее знали.

– В таком случае она тем более нуждается в моей защите.

– Быть может, Хэйтем, она просто хочет все забыть, как кошмарный сон.

– Понимаю, сэр, – растерянно пробормотал я.

– Простите, Хэйтем, если мои слова потрясли вас. – Мистер Берч нахмурился. – Возможно, я ошибаюсь. Но после гибели вашего отца мне поневоле пришлось заняться его делами. Это потребовало встреч с вашей матерью. Я видел ее собственными глазами, и вряд ли мои наблюдения неверны. Не в этот раз.

3

Перед самыми похоронами мать вдруг позвала меня к себе.

Сообщить об этом мне послали Бетти, которая, густо покраснев, сначала долго извинялась за то, что утром «завалялась в постели». Первой моей мыслью было: мать передумала отправлять меня в Европу вместе с мистером Берчем. Увы, я ошибся. Подойдя к маминой комнате, я постучался. И не узнал голоса, что ответил мне. Прежде он звучал мягко, но с властными интонациями. Сейчас ее голос был настолько слаб, что напоминал шепот.

Я вошел. Мать сидела у окна. Мисс Дэви хлопотала, задвигая занавески. Зимнее солнце отнюдь не отличалось яркостью. Но, судя по раздраженному материнскому жесту, ей мешали не столько косые лучи солнца, сколько какая-нибудь назойливая птичка, усевшаяся на козырек окна. Наконец мисс Дэви полностью задернула занавески. Мать вяло улыбнулась и кивком указала мне на

стул.

Я сел. Мать с большим трудом, словно у нее болела шея, повернула голову ко мне и снова заставила себя улыбнуться. Только сейчас я понял, каким чудовищным потрясением оказались для матери события той ночи. Они лишили ее всех жизненных соков. Глаза потеряли прежний блеск. Лицо превратилось в маску. С трудом верилось, что еще недавно это лицо улыбалось и хмурилось. Отец всегда говорил, что она не умела скрывать своих чувств.

Натянутая улыбка быстро сползла с материнского лица, сменившись хмурым равнодушием. Она и раньше не любила «делать лицо». Сейчас у нее попросту не было на это сил.

– Хэйтем, ты знаешь, что меня не будет на похоронах?

– Да, мама.

– Мне жаль. Мне очень, очень жаль, Хэйтем. Но у меня просто нет на это сил.

Прежде мать редко называла меня по имени. «Дорогой» – так обычно обращалась она ко мне.

– Да, мама, – ответил я, зная, что она была достаточно сильной.

«У твоей матери, Хэйтем, храбрости больше, чем у всех мужчин, какие мне встречались», – любил повторять отец.

Мои родители познакомились вскоре после переезда отца в Лондон. По словам отца, мать преследовала его, как «львица в погоне за добычей». Не раз, слыша эту шутку, мать давала отцу такую же шутливую затрещину. Скорее всего, шутка появилась не на пустом месте и несла в себе долю правды.

О своей семье мать говорить не любила. Я лишь знал, что ее родители – «люди состоятельные». Но как-то Дженни обронила, что родители моей матери, узнав, кого она выбрала себе в мужья, отреклись от нее. Почему – я так и не узнал. Сколько раз я ни пытался расспрашивать мать о жизни отца до их с ним свадьбы (не скажу, чтобы мои попытки были частыми), она лишь загадочно улыбалась и

говорила: «Придет время, и отец все тебе расскажет».

Сейчас, сидя в ее комнате, я горевал не только по убитому отцу. Я уже никогда не узнаю, о чем он собирался мне рассказать в день моего десятилетия. Конечно, это огорчение было совсем ничтожным по сравнению с потерей отца. У меня щемило сердце от взгляда на мать. Она… сжалась, причем не столько внешне, сколько внутренне. Теперь в ней не было храбрости, о которой говорил отец.

Мне вдруг пришло в голову, что он и был источником ее силы. Ее разум и чувства просто не смогли справиться с впечатлениями той жуткой ночи. Кровавое побоище и пожар – это было выше ее сил. Я слышал, что нечто подобное происходит с солдатами. Они обретают «солдатское сердце», становясь тенями себя прежних. Может, то же произошло и с моей матерью?

– Мне очень жаль, – в который уже раз повторила мать.

– Все в порядке, мама.

– Нет, я не об этом. Я сожалею, что тебе предстоит отправиться в Европу с мистером Берчем.

– Но мое место здесь, рядом с вами. Я должен заботиться о вас.

Мать слабо усмехнулась.

– Мамин солдатик, значит? – спросила она, бросив на меня странный, испытующий взгляд.

Я сразу понял, о чем она сейчас думала. Ее мысли перенеслись в ту ночь, в сражение на площадке второго этажа. Не удивлюсь, если перед ее мысленным взором встала картина: я вонзаю меч в глаз того, кто готовился перерезать ей горло.

Я невольно сжался – столько душевной боли было в ее взгляде.

– Хэйтем, я же не останусь совсем одна. Обо мне позаботятся мисс Дэви и Эмили. Когда починят наш дом на площади Королевы Анны, я вернусь туда и найму новых слуг. Это не тебе нужно заботиться обо мне, а, наоборот, мне надо присматривать за тобой. Вот почему я назначила мистера Берча управляющим имуществом нашей семьи и твоим опекуном. Так что ты будешь находиться под надлежащим присмотром. Полагаю, этого хотел бы твой отец.

Мать недоуменно посмотрела на занавески, словно вспоминая, почему они задернуты.

– Кажется, мистер Берч собирался сказать тебе, что поездка в Европу не может ждать.

– Он уже говорил. Но…

– Прекрасно. – Мать снова повернулась ко мне. И опять в ее взгляде было что-то чужое. Мистер Берч оказался прав: та, прежняя, хорошо знакомая мне женщина исчезла. Или я перестал быть прежним ее сыном? – Хэйтем, так будет лучше для всех нас.

– Но, мама…

Она метнула на меня быстрый взгляд.

– Ты едешь, и это вопрос решенный, – твердо произнесла мать, отворачиваясь к занавешенному окну.

Я посмотрел на мисс Дэви, словно рассчитывая на ее помощь. Но она лишь сочувственно улыбнулась. «Сожалею, Хэйтем, но я не в состоянии вам помочь. Ваша мать уже приняла решение», – говорили глаза мисс Дэви.

В комнате стало тихо. Единственным звуком был цокот копыт. Мимо дома проехала карета. Внешнему миру не было никакого дела до того, что мой внутренний мир распадался на куски.

– Можешь идти, Хэйтем, – взмахнув рукой, сказала мать.

Прежде – я имею в виду, до нападения на наш дом – мать никогда не «вызывала» меня и не говорила «можешь идти». Прежде она непременно поцеловала бы меня в щеку и сказала бы, что любит меня. Эти слова я слышал от нее ежедневно, иногда по нескольку раз в день.

Я встал и только сейчас понял, что мать ни слова не сказала о случившемся на площадке. Она даже не поблагодарила меня. Подойдя к двери, я еще раз взглянул на нее. Может, она не хотела быть спасенной такой ценой?

4

На похороны я отправился в сопровождении мистера Берча. Служба была скромной и проходила в той же часовне, где отпевали Эдит. Число собравшихся тоже было примерно таким же, как в прошлый раз: слуги, старина Фейлинг и несколько человек, работавших у отца. С одним из них мистер Берч познакомил меня после церемонии. Это был некто мистер Симпкин, тридцати с лишним лет. Он сообщил мне, что отныне будет вести дела нашей семьи.

– Можете не беспокоиться, мастер Хэйтем. Пока вы будете в Европе, я позабочусь о вашей матери, – заверил он меня.

И только тогда я понял, что мой отъезд неизбежен: дело это решенное и у меня нет иного выбора. Я, конечно, мог убежать. Однако такой поворот вовсе не казался мне выбором.

Мы вернулись домой. В передней я поймал на себе взгляд Бетти. Служанка наградила меня вялой улыбкой. Похоже, о моем отъезде знали уже все слуги. Когда я спросил Бетти, чем она намерена теперь заняться, она сообщила, что мистер Дигвид подыскал ей другое место службы. Бетти проводила меня до комнаты. Когда она уходила, в ее глазах стояли слезы. Я сел и с тяжелым сердцем взялся за свой дневник.

11 декабря 1735 г

1

Завтра утром мы уезжаем в Европу. Меня удивляет, как мало времени понадобилось мне на сборы. Казалось, пожар в доме на площади Королевы Анны уничтожил все связи с прежней жизнью. Мое имущество уместилось в двух чемоданах. Их увезли сегодня утром. В оставшееся время мне нужно написать несколько писем и повидаться с мистером Берчем. Я должен рассказать ему о вчерашнем разговоре.

Я уже почти погрузился в сон, когда в дверь негромко постучали.

– Войдите, – сказал я, садясь на постели и ожидая увидеть Бетти.

Но я ошибся. В комнату вошла какая-то девушка, плотно закрыв за собой дверь. Затем она приблизила к лицу свечу, чтобы я видел, кто передо мной, и приложила палец к губам. Это была Эмили, блондинка Эмили, наша горничная.

– Мастер Хэйтем, я должна вам кое-что рассказать, – прошептала она.

– Я тебя слушаю, – ответил я, надеясь, что мой голос прозвучал совсем не по-детски.

Я вдруг почувствовал себя таким маленьким и беззащитным.

– Я знакома со служанкой Барреттов, – торопливо заговорила Эмили. – Ее звать Вайолет. Когда все случилось, из окрестных домов прибежали узнать, в чем дело. Так вот, Вайолет стояла вблизи кареты, в которую затолкали вашу сестру, сэр. Но прежде чем ее увезли, хозяйка кое-что шепнула моей подруге.

– И что же сказала моя сестра? – спросил я.

– Мисс Дженни говорила очень быстро. К тому же там было слишком шумно. Но Вайолет считает, что она отчетливо слышала слово «предатель». На следующий день к Вайолет явился какой-то человек. Судя по говору – откуда-то из западных

графств. Он интересовался, что? она слышала ночью. Вайолет ответила, что ничего. Тогда этот человек стал ей угрожать. Он показал висевший у него на поясе кинжал, но Вайолет продолжала твердить, что она ничего не слышала.

– Но она все же не побоялась рассказать тебе?

– Видите ли, сэр, Вайолет… она моя сестра. Она тревожится за меня.

– Ты еще кому-нибудь рассказывала об этом?

– Нет, сэр.

– Утром я сообщу мистеру Берчу, – пообещал я Эмили.

– Но, сэр…

– Что?

– А вдруг мистер Берч и есть предатель?

Я рассмеялся и покачал головой:

– Быть этого не может! Он же спас мне жизнь. Он подоспел вовремя и вступил в сражение с… – И тут меня осенило. – Однако кое-кого в ту ночь не было в доме.

2

Наутро я сразу же известил обо всем мистера Берча. Он пришел к тому же выводу, что и я.

Спустя час приехал человек, которого тут же провели в кабинет. По возрасту он был почти ровесником моего отца. Меня поразило его морщинистое лицо, шрамы и холодные цепкие глаза, как у хищной рыбы. Незнакомец был выше мистера Берча и шире в плечах. Мне показалось, что помещение сразу же заполнилось

его присутствием. Мрачным присутствием, надо сказать. Потом он смерил меня взглядом и презрительно наморщил нос.

– Это мистер Брэддок, – сообщил мистер Берч; я стоял, пригвожденный к месту взглядом странного гостя. – Мистер Брэддок – тоже тамплиер. Он пользуется у меня полным и безраздельным доверием. – Реджинальд прочистил горло и громко добавил: – Хотя его поведение порой расходится с его внутренними убеждениями.

Мистер Брэддок хмыкнул и бросил на него испепеляющий взгляд.

– Успокойтесь, Эдвард, – с упреком заметил ему мистер Берч. – Хэйтем, мистер Брэддок займется поисками предателя.

– Благодарю вас, сэр, – ответил я.

Мистер Брэддок мельком взглянул на меня, потом обратился к мистеру Берчу:

– Надеюсь, вы покажете мне, где обитает этот Дигвид.

Когда я хотел отправиться вместе с ними, мистер Брэддок выразительно посмотрел на Реджинальда. Тот едва заметно ему кивнул, затем повернулся ко мне. Мистер Берч улыбался, однако его глаза говорили, что они с мистером Брэддоком обойдутся без моей помощи.

– Хэйтем, полагаю, у вас найдется чем заняться. Например, приготовлениями к отъезду.

Мне не оставалось иного, как вернуться к себе. Я еще раз проверил собранные чемоданы, затем достал дневник, чтобы записать события этого дня. Вскоре ко мне заглянул мистер Берч и с мрачным видом сообщил о том, что Дигвид сбежал. Реджинальд заверил меня, что тамплиеры все равно разыщут беглеца. Они всегда находят то, что ищут. Поэтому в наших планах ничего не меняется и завтра мы отправимся в Европу.

Думаю, эти строки станут моей последней лондонской записью. Прежняя жизнь заканчивается. Начинается новая.

Часть II

1747 г

Двенадцать лет спустя

10 июня 1747 г

1

Сегодня на базаре я видел предателя. На голове у него была шляпа с пером. Цветастые пряжки на башмаках. Такие же цветастые подвязки. Он неспешно перемещался от лотка к лотку, щурясь на яркое, совершенно белое испанское солнце. С кем-то из торговцев он шутил и смеялся, с иными перебрасывался язвительными фразами. Он не был мне другом, но и не производил впечатление деспота. Впечатление, которое я о нем составил (пусть и на расстоянии), характеризовало его как человека честного и благожелательного. Но не стоит забывать: он предавал не этих торговцев. Он предавал свой орден. Нас.

Он гулял не один, а с охраной. Насколько могу судить, эти люди дело свое знали. Они постоянно держали весь базар в поле зрения. Когда торговец хлебом добродушно похлопал предателя по спине и подарил ему каравай, он махнул более рослому телохранителю. Тот ловко подхватил каравай левой рукой, оставляя правую свободной на случай, если понадобится взяться за меч. Хороший охранник. Чувствуется тамплиерская выучка.

Из толпы выскочил мальчишка. Я видел, как оба телохранителя напряглись, оценивая опасность, а потом…

Нет, не расслабились. И не посмеялись над своей чрезмерной бдительностью. Они оставались настороженными и внимательными, поскольку не были глупцами и знали: мальчишка вполне мог оказаться отвлекающим маневром.

Мне нравились эти люди. Интересно, успели ли они поддаться разлагающему учению их хозяина? Он клялся в верности одним идеалам, а служил совсем другим. Хотелось надеяться, что яд не успел затронуть души телохранителей, поскольку я решил оставить их в живых. По правде говоря, мое решение в большей степени было продиктовано нежеланием вступать в схватку с двумя опытными бойцами. Конечно же, эти люди бдительны. Они прекрасно владеют мечами и весьма искушены в деле отправки на тот свет.

Но если уж на то пошло, я тоже бдителен. И я тоже прекрасно владею мечом и столь же искусно умею отправлять на тот свет. У меня природная способность убивать. Правда, мне больше нравятся другие занятия: теология, философия, история античного мира, языки. Особенно испанский, в котором я настолько преуспел, что здесь, в Альтее, могу сойти за испанца, правда немногословного. В отличие от изучения испанского, убивать людей мне не доставляет никакого удовольствия. Просто у меня это хорошо получается.

Если бы моей мишенью был Дигвид, возможно, я бы испытал удовлетворение, убив его собственными руками. Но я выслеживал совсем другого человека.

2

Покинув Лондон, мы с Реджинальдом пять лет подряд прочесывали Европу, переезжая из страны в страну. Иногда мы ехали с сочувствующими ордену, иногда – в компании рыцарей-тамплиеров. Эти люди появлялись в нашей жизни, а затем так же внезапно исчезали из нее. Единственным моим постоянным спутником оставался Реджинальд. Мы с ним путешествовали, иногда нападая на след турецких работорговцев, которые якобы удерживали Дженни. Порой от Брэддока приходили сведения, касающиеся Дигвида. Сам он месяцами преследовал беглеца, но неизменно возвращался с пустыми руками.

Реджинальд был моим наставником, и в этом отношении он напоминал мне отца. Как и старший Кенуэй, он скептически относился к книжным знаниям, постоянно

утверждая о существовании высших истин, далеко обогнавших те, что содержатся в пыльных старых учебниках. И еще Реджинальд настаивал, чтобы я думал самостоятельно.

Но этим сходство и ограничивалось. Отец требовал от меня иметь свое мнение обо всем, что я читал или слышал. Реджинальд, как я вскоре убедился, опирался на некие незыблемые представления о мире. Беседуя с отцом, я порой чувствовал, что мышление – это важно. Мышление представлялось мне главным инструментом, и выводы, которые я делал, порой были не так важны, как сам процесс их поиска. Перечитывая свои детские дневниковые записи, я понимаю: факты для отца не являлись чем-то незыблемым. Они были подвержены переменам. Переменчивым было даже само понятие истины.

Реджинальд стоял на иных позициях, исключающих переменчивость истин. В первые годы наших странствий, когда я еще пытался с ним спорить, он улыбался и говорил, что слышит голос моего отца. Реджинальд высоко отзывался о нем, называл его выдающимся человеком, обладавшим мудростью и проницательностью во многих сферах жизни. Воздавал он должное и его непревзойденному умению сражаться. Но отношение отца к знаниям Реджинальд считал недостаточно научным.

Испытываю ли я стыд, признаваясь, что со временем предпочел отцовским воззрения Реджинальда? Он придерживался более строгого и однозначного взгляда на мир, присущего тамплиерам. Хотя он никогда не пытался мне что-либо вдолбить, хотя с его лица не сходила улыбка, а его уроки сопровождались шутками, Реджинальду недоставало врожденной радости и озорства, какими обладал мой отец. Он всегда был опрятен, «застегнут на все пуговицы» и отличался настоящим фанатизмом по части пунктуальности. Реджинальд утверждал, что порядок должен быть во всем. И я, вопреки своему характеру, все больше восхищался постоянством Реджинальда, его внутренней и внешней определенностью. Чем старше я становился, тем привлекательнее и притягательнее делалась для меня личность моего наставника.

Однажды я понял причину этих чувств. Реджинальд был начисто лишен сомнений. Я никогда не видел его смущенным, ошеломленным, растерянным, нерешительным. Мистер Берч сумел и во мне укоренить это чувство «знания наверняка». Оно руководило мной, ведя из отрочества во взрослую жизнь. Правда, я не забывал и отцовских наставлений. Наоборот, отец гордился бы мной, поскольку я сомневался в его идеалах и через сомнения приобретал

новые.

Дженни мы так и не нашли. С годами память о ней несколько притупилась. Перечитывая ранние дневниковые записи, я понимал: мое тогдашнее отношение к сестре было типично мальчишеским и не могло быть иным, особенно учитывая то, как сама Дженни относилась ко мне. И тем не менее я испытываю запоздалый стыд. Став взрослым, я многое вижу в ином свете. Разумеется, моя мальчишеская неприязнь к Дженни ничуть не повлияла на решимость найти сестру. Да и мистер Берч не намеревался бросать поиски. Его запала хватило бы на двоих. Однако не все зависело от нас. Средства, поступавшие к нам из Лондона от мистера Симпкина, были весьма значительными, но не бесконечными. На севере Франции, в Шампани, близ Труа, мы купили замок. Он стоял в уединенном месте, что очень устраивало нас. Там мистер Берч продолжил мое обучение. Он ходатайствовал о принятии меня в орден. Спустя еще три года я стал полноправным тамплиером.

Проходили недели, превращавшиеся в месяцы. Мы по-прежнему ничего не знали ни о Дженни, ни о Дигвиде. Но я не сидел сложа руки. Орден давал мне другие задания. Алчная пасть Войны за австрийское наследство, которая тянулась уже семь лет, была готова поглотить всю Европу. Ордену требовалась помощь в защите своих интересов. Мое умение отправлять на тот свет пришлось как нельзя кстати. Реджинальд быстро сообразил, где и чем я могу оказаться полезным ордену. Первым, кому надлежало умереть, был один жадный ливерпульский купец. Вторым стал австрийский принц.

Два года назад, расправившись с купцом, я приехал в Лондон. Особняк на площади Королевы Анны по-прежнему восстанавливался. Моя мать… в тот день она была слишком утомлена и не смогла увидеться со мной. Впрочем, как и на следующий день.

– Она слишком утомлена и для того, чтобы ответить на мои письма? – спросил я у мисс Дэви.

Камеристка сбивчиво извинилась и отвела взгляд.

Из Лондона я отправился в Херефордшир, но все мои попытки установить местонахождение родственников Дигвида окончились неудачей. Предатель нашей семьи как сквозь землю провалился. Возможно, его так никогда и не

найдут.

Но огонь возмездия внутри меня уже не полыхает с таким неистовством, как прежде. Возможно, я просто повзрослел. А может, сказалась школа Реджинальда, учившего меня управлять своими эмоциями.

Пусть пламя возмездия и потеряло былую ярость, оно продолжает тихо тлеть внутри меня.

3

Ко мне в комнату заглянула жена хозяина постоялого двора. Прежде чем войти, она обернулась назад, а после того как вошла, плотно закрыла дверь. Оказывается, пока меня не было, приходил посыльный с письмом. Женщина подала мне конверт и томно поглядела на меня. Я понял ее намек и, быть может, разнообразил бы ее скучную жизнь. Но меня одолевали другие мысли. Прежде всего о предстоящем деле.

Я поблагодарил испанку и вежливо выпроводил из комнаты, после чего занялся расшифровкой послания. После завершения дел в Альтее мне было предписано ехать не во Францию, в наш замок, а в Прагу. Там, на улице Целетна, в подвальном помещении одного из домов, у тамплиеров была штаб-квартира. Реджинальд уже находился там и ждал меня, чтобы обсудить какое-то важное дело.

Но в данный момент у меня есть цель. И сегодня же вечером предатель встретит свой конец.

11 июня 1747 г

1

Свершилось. Я говорю о возмездии предателю. Не обошлось без сложностей, но сама расплата прошла чисто. Этот человек мертв, меня не обнаружили, и, следовательно, я могу себе позволить насладиться результатом содеянного.

Убитого звали Хуан Ведомир. На него возлагалась защита наших интересов в Альтее. Ведомир воспользовался своим положением в городе, построив нечто вроде маленькой империи. Тамплиеры относились к этому терпимо. По нашим сведениям, он держал под контролем порт и рынок, уверенно управляя тем и другим. Судя по моим собственным наблюдениям, торговцы его поддерживали, хотя постоянное присутствие телохранителей доказывало, что их лояльность к своему хозяину не была достаточно прочной.

Но не забыл ли Ведомир, кому он изначально обязан своим благосостоянием и какова его главная миссия в Альтее? Реджинальд считал, что Хуан не просто забыл, но предал учение тамплиеров. Орден может простить многое, но только не предательство. Меня направили в Альтею следить за Ведомиром. Вечером, взяв сыр, я покинул постоялый двор и по булыжным мостовым альтейских улиц отправился на виллу изменника.

– Что вам угодно? – спросил караульный, открывший мне дверь.

– Я принес сыр, – ответил я.

– Это я по запаху чую, – наморщил нос караульный.

– Я надеюсь убедить сеньора Ведомира позволить мне торговать на городском базаре.

Нос караульного сморщился еще сильнее.

– Сеньор Ведомир заинтересован в том, чтобы привлечь покупателей, а не отпугнуть их этой вонью.

– Сеньор караульный, возможно, люди с более изысканным вкусом с вами не согласятся…

– Твой акцент… – прищурился караульный. – Откуда он?

Он был первым, кто усомнился в моем испанском происхождении.

– Из Генуэзской республики, – улыбнулся я. – Мы давно поставляем сыры в разные страны.

– Здесь привыкли к сырам старика Варелы. И этой вонище его не переплюнуть.

– Я уверен в обратном, – все так же с улыбкой возразил я. – И не сомневаюсь, что сеньор Ведомир вскоре со мной согласится.

Мои слова не убедили караульного, однако он тем не менее провел меня в просторную переднюю. Невзирая на жаркий вечер, здесь было прохладно. Пожалуй, даже холодно. Передняя не была заставлена мебелью: два стула и стол с разбросанными картами. Я присмотрелся к последним. Играли в пикет. Отлично. Пикет – игра для двоих, а значит, мне можно не опасаться, что где-то в нишах прячутся другие караульные.

Мой собеседник велел поставить упакованный сыр на стол. Я молча повиновался. Подошел второй стражник. Его пальцы лежали на эфесе меча. Первый проверил меня на предмет скрытого оружия, тщательно ощупав мою одежду. Затем осмотрел сумку, висевшую на моем плече, где лежал лишь мой дневник и несколько монет. Оружия при себе у меня не было.

– Безоружен, – сообщил первый караульный.

Второй кивнул. Первый указал на пакет с сыром:

– Ты хочешь, чтобы сеньор Ведомир попробовал вот это, полагаю?

Я торопливо закивал.

– А может, сначала попробую я? – спросил первый, внимательно наблюдая за моим поведением.

– Вообще-то, я надеялся показать сыр сеньору Ведомиру, так сказать, во всей красе, – ответил я, подобострастно улыбаясь.

Караульный насмешливо фыркнул:

– Там более чем достаточно. Возможно, тогда тебе самому стоит попробовать его первым?

– Но я надеялся показать сыр сеньору Ве… – попытался возразить я.

Рука караульного выразительно легла на эфес меча.

– Ешь, тебе говорят! – потребовал он.

– Как вам угодно, сеньор, – сказал я и стал разворачивать сыр.

Отломив кусочек, я неторопливо его съел. Видя, что я не рухнул замертво, караульный потребовал, чтобы я повторил дегустацию. Я отломил второй кусочек, который жевал с таким видом, будто вкушаю амброзию.

– Ну а теперь, раз уж сыр открыт, наверное, и вам, сеньоры, стоит угоститься, – сказал я.

Караульные переглянулись. Потом первый усмехнулся и направился в другой конец передней, где постучался в массивную дверь и скрылся за ней. Вскоре он вышел и жестом пригласил меня в покои Ведомира.

Внутри было сумрачно. В нос ударил густой запах духов. Наше появление вызвало движение воздуха, отчего заколыхалось шелковое полотно, которым был затянут низкий потолок. Ведомир сидел в одной рубашке к нам спиной и что-то писал. Стол освещала единственная свеча.

– Прикажете остаться, сеньор Ведомир? – спросил караульный.

– Я так понимаю, наш гость пришел безоружным? – не поворачивая головы, бросил ему предатель.

– Да, сеньор, оружия при нем нет. Хотя вонь от его сыра способна уложить целую армию.

– Для меня, Кристиан, это сладчайший запах на земле, – засмеялся Ведомир. – Предложи нашему гостю сесть. Я сейчас закончу, и мы с ним побеседуем.

Я сел на низкий стул возле холодного очага. Ведомир, закончив писать, закрыл расходную книгу и подошел ко мне, попутно захватив с бокового столика изящный ножик.

– Значит, сыр? – с улыбкой спросил он, разводя половинки тонких усиков.

Приподняв подол ночной рубашки, Ведомир присел на другой низкий стул.

– Да, сеньор.

Предатель посмотрел на меня:

– Неужто? Мне говорили, что вы прибыли из Генуэзской республики, но ваша манера говорить выдает в вас англичанина.

Я оторопел, но широкая улыбка Ведомира показывала, что мне не о чем волноваться. Во всяком случае, пока.

– Вы очень проницательны, сеньор. До сих пор мне удавалось скрывать мою национальность. – Я изобразил восхищение.

– И неплохо удавалось, раз ваша голова до сих пор на плечах. Наши страны нынче не то что не дружат, а находятся в состоянии войны.

– Сейчас, сеньор, вся Европа воюет. Иногда я задаюсь вопросом: все ли знают, с кем именно они сражаются?

Ведомир усмехнулся. В его глазах заплясало пламя свечи.

– А сейчас вы лукавите, друг мой. Думаю, мы все знаем, кто в союзниках у вашего короля Георга. И амбиции его величества нам тоже известны. По слухам, британский флот считает себя лучшим в мире. Французы и испанцы с этим не согласны. Я уж не говорю о шведах. Англичанин, оказавшийся в Испании, изрядно рискует.

– Следует ли мне, сеньор, позаботиться о собственной безопасности?

– В моем обществе? – Ведомир развел руками и криво усмехнулся. – Я, друг мой, склонен думать, что поднялся выше мелочных забот королей.

– В таком случае, сеньор, кому вы служите?

– Нашему городу и его жителям.

– Тогда кому вы приносили клятву верности, если не королю Фердинанду?

– Высшей силе, сеньор, – улыбнулся Ведомир, закрывая тему и возвращаясь к вопросам более насущным. – Простите мое любопытство: этот товар действительно из Генуэзской республики? Или вы привезли английский сыр?

– Это мой сыр, сеньор. Мои сыры превосходны независимо от реющего над ними флага.

– Настолько хороши, что могут потеснить сыр Варелы?

– Возможно, лишь продаваться с ним наряду.

– А что потом? Разорение Варелы?

– Возможно, сеньор.

– Вас, сеньор, это не волнует, а для меня подобные заботы – ежедневная головная боль… А теперь я должен отведать вашего сыра, пока он не растаял.

Сделав вид, будто мне жарко, я снял свой шарф. Незаметно сунув руку в мешок, я нащупал золотой дублон. Когда Ведомир повернулся к сыру, я поместил дублон в шарф.

В пламени свечи сверкнул нож. Ведомир отрезал кусочек сыра и поднес к своему носу. Это было излишним: запах сыра ощущался даже на расстоянии. Затем предатель засунул кусочек в рот и принялся жевать. Его лицо приняло задумчивое выражение. Он посмотрел на меня и отрезал второй кусочек.

– А вы ошибаетесь, сеньор, – хмыкнул Ведомир, распробовав сыр. – Ваш сыр ничем не лучше товара нашего сыродела. – Улыбка Ведомира померкла. Его лицо приняло хмурое выражение. Я понял, что разоблачен. – Точнее, это и есть сыр старика Варелы!

Ведомир хотел было кликнуть караульных, но я успел накинуть удавку ему на шею. Рука, сжимавшая нож, метнулась вверх, но это не спасло предателя от расправы – я застиг его врасплох. Нож Ведомира полосовал шелк потолка. Дублон в «румале» лишал мою жертву возможности крикнуть. Удерживая удавку одной рукой, я отнял у предателя нож и метнул его в подушку. После этого я обеими руками взялся за оба конца «румала».

Глаза Ведомира были готовы выскочить из орбит.

– Мое имя Хэйтем Кенуэй, – бесстрастным голосом произнес я. – Вы предали орден тамплиеров и за это приговариваетесь к смертной казни.

Он протянул руку, безуспешно пытаясь впиться мне в глаза, но я легко увернулся и продолжил наблюдать за тем, как жизнь стремительно покидала его.

Когда с предателем было покончено, я уложил его тело на кровать и подошел к столу. Мне велено было забрать дневник Ведомира – долго искать его не пришлось. Хуан вел его в той самой расходной книге. Я раскрыл последнюю запись, и мой взгляд упал на строчку: «Para ver de manera diferente, primero debemos pensar diferente».

Я снова перечитал эту фразу, тщательно переводя каждое слово, будто только-только начал постигать испанский: «Чтобы видеть мир в ином свете, мы должны

научиться мыслить по-иному».

Я постоял, раздумывая над написанным, потом захлопнул дневник и убрал его в сумку, приводя в порядок свои мысли. Смерть Ведомира обнаружат лишь завтра утром. К тому времени я уже буду далеко от Альтеи, держа путь в Прагу, где, встретившись с Реджинальдом, я собирался задать ему пару вопросов.

18 июня 1747 г

1

– Речь пойдет о твоей матери, Хэйтем.

Наш разговор происходил в подвальном помещении дома на улице Целетна. Реджинальд и в Праге оставался англичанином: он встретил меня в белых, безупречно чистых чулках и черных бриджах. Разумеется, его голову украшал щедро напудренный парик. Видно, Реджинальд переусердствовал с пудрой, поскольку плечи его сюртука были густо покрыты белым налетом. Он стоял между высокими чугунными светильниками, которые выхватывали из сумрака только ближайшее пространство. На стенах – настолько темных, что они казались черными, – горели факелы. Каждый окружало пятно неяркого света. Обычно в разговоре со мной Реджинальд держался непринужденно. Он любил убирать руки за спину, опираясь при этом на трость. Однако сегодня его поза была непривычно официальной.

– О моей матери? – переспросил я.

– Да, Хэйтем.

«Она заболела!» – было первой моей мыслью. Меня обдало жгучим чувством вины. Даже голова закружилась. За несколько прошедших недель я не написал матери ни строчки. Я почти не вспоминал о ней.

– Она умерла, Хэйтем, – произнес Реджинальд, опуская глаза. – Неделю назад она упала с лестницы, серьезно повредив спину. Боюсь, она не захотела сражаться за жизнь и сдалась на волю недуга.

Я посмотрел на него. Жгучее чувство вины схлынуло столь же быстро, как накатило, сменившись странным равнодушием.

– Прими мои соболезнования, Хэйтем. – Обветренное лицо Реджинальда сделалось участливым. Такими же были его глаза. – Твоя мать была прекрасной женщиной.

– Все в порядке, – ответил я.

– Мы немедленно отправляемся в Англию. Нужно поспеть к панихиде.

– Конечно.

– Если тебе… что-то нужно, проси без колебаний.

– Спасибо.

– Отныне, Хэйтем, твоей семьей становится орден. Ты можешь обращаться к нам по любому поводу.

– Благодарю.

Чувствовалось, Реджинальду не по себе.

– Если тебе захочется… облегчить горе в словах, ты знаешь, я всегда готов тебя выслушать, – откашлявшись, сказал он.

Его предложение вызвало у меня улыбку, которую я попытался скрыть.

– Спасибо, Реджинальд, но у меня нет потребности в беседе.

– Что ж, прекрасно.

Повисла долгая пауза.

– Задание выполнено? – глядя в сторону, спросил Реджинальд.

– Хуан Ведомир мертв, если ты это имел в виду.

– Его дневник у тебя?

– Боюсь, что нет.

Его лицо вытянулось, затем посуровело. Таким я видел его несколько раз, когда он не знал, что за ним наблюдают.

– Что это значит? – сухо спросил Реджинальд.

– Я убил этого человека, поскольку он предал наше дело, не так ли?

– Конечно, – осторожно согласился Реджинальд, не догадываясь, куда я клоню.

– Тогда какая надобность в его дневнике?

– Записи, которые вел Ведомир, представляют интерес для ордена.

– Почему?

– Видишь ли, Хэйтем, у меня есть основания полагать, что предательство Хуана Ведомира распространялось дальше его отхода от нашего учения. Я склонен думать, что он работал на ассасинов. А теперь прошу тебя, скажи мне правду: ты забрал его записи?

Я вынул из сумки дневник Ведомира и молча протянул Реджинальду. Он подошел к светильнику, раскрыл дневник, торопливо пролистал и тут же захлопнул.

– Ты читал их? – спросил Реджинальд.

– Они зашифрованы, – ответил я.

– Не все, – спокойно возразил Реджинальд.

– Да, ты прав, – кивнул я. – Там были отрывки, которые я сумел прочитать. Его… мысли о жизни. Я прочел их с интересом. Они меня даже отчасти заинтриговали. Я и представить не мог, насколько философия Ведомира совпадает с тем, чему когда-то учил меня отец.

– Вполне это допускаю.

– И тем не менее ты приказал мне убить этого человека?

– Я приказывал тебе убить предателя ордена, а не просто неугодного лично мне человека. Да, Хэйтем, воззрения твоего отца во многом… я бы даже сказал, почти во всем противоречили принципам ордена. Но то, что твой отец не был тамплиером, не уменьшало моего уважения к нему.

Я посмотрел ему прямо в глаза. Может, я ошибался в своих подозрениях?

– А чем дневник Ведомира интересен ордену?

– Разумеется, не рассуждениями покойного о жизни, – улыбнулся Реджинальд, искоса посмотрев на меня. – Ты обнаружил в них сходство с рассуждениями твоего отца. Мы оба знаем, какова наша позиция в этом вопросе. Меня в первую очередь интересуют зашифрованные записи. Если я прав, в них содержатся подробности, касающиеся хранителя ключа.

– Ключа… от чего?

– Всему свое время.

Я разочарованно вздохнул.

– Вначале нужно расшифровать записи, – заметив мою разочарованность, пояснил Реджинальд. – И тогда, если мои предположения подтвердятся, мы сможем начать завершающую стадию операции.

– Какой еще операции?

Реджинальд приготовился ответить, но я его опередил:

– Опять скажешь: «Всему свое время, Хэйтем»? Опять секреты, Реджинальд?

– Секреты? – с заметным раздражением переспросил он. – Ты всерьез думаешь, будто я утаиваю что-то от тебя? Чем я заслужил твою подозрительность, Хэйтем? Может, тем, что взял тебя под свое крыло, способствовал твоему вступлению в орден и придал твоей жизни смысл? Порой ты кажешься мне неблагодарным мальчишкой, да простят мне Небеса подобные мысли.

– Однако мы так и не сумели найти Дигвида! – воскликнул я, не желая идти на попятную. – Никто не обратился к нам с требованиями выкупа за Дженни. Я привык считать, что главной целью наших странствий было напасть на след убийц моего отца и выяснить их мотивы.

– Хэйтем, мы надеялись отыскать Дигвида. Это все, что мы могли сделать. Мы надеялись заставить его заплатить за предательство. Наши надежды не оправдались, но это не говорит о тщетности наших попыток и нашей нерадивости. Более того, на меня была возложена забота о твоем воспитании, Хэйтем, и с ней я справился. Ныне ты – взрослый человек, уважаемый рыцарь нашего ордена. Полагаю, это ты как-то упустил из виду, обрушивая на меня шквал своих упреков. И потом, не забывай: я надеялся жениться на Дженни. Тобой двигало прежде всего горячее стремление отомстить за отца, и потому неудачи с поимкой Дигвида виделись тебе нашим главным и единственным провалом. Меж тем мы так и не смогли найти Дженни. Конечно, вряд ли тебя посещали мысли о трудностях, которые выпали на долю твоей сестры.

– Ты что, обвиняешь меня в черствости? В бессердечии?

Реджинальд покачал головой:

– Я просто предлагаю тебе: прежде чем вытаскивать на свет мои промахи, хорошо бы взглянуть на свои собственные.

– Но ты никогда не посвящал меня в подробности наших поисков.

– Розысками Дигвида занимался Брэддок. Он регулярно присылал мне отчеты.

– Ты мне не показал ни одного из них.

– Ты был еще слишком мал.

– Но сейчас я уже достаточно повзрослел.

Реджинальд склонил голову:

– Прошу меня извинить, Хэйтем, что не принял это во внимание. Впредь буду относиться к тебе как к равному.

– Зачем же ждать? Начни с этого дня. Расскажи мне о дневнике Ведомира, – попросил я.

Он засмеялся, словно мы играли в шахматы и неожиданный маневр обеспечил мне преимущество:

– Ты выиграл, Хэйтем. Ладно, я расскажу тебе… Дневник Ведомира – первый шаг к нахождению храма. Храма первой цивилизации. Думаю, его построили Те, Кто Пришел Раньше.

Его ответ на мгновение меня ошеломил. «Всего-то?» – подумал я, затем рассмеялся.

Реджинальда мое поведение слегка смутило. Наверное, он вспоминал день, когда впервые рассказал мне о Тех, Кто Пришел Раньше.

«Раньше кого?» – недоверчиво спросил тогда я, думая, будто он меня разыгрывает.

«Раньше нас, – сухо ответил мне тогда Берч. – Раньше человека. Предыдущая цивилизация».

Думаю, мы оба вспомнили тогдашний разговор.

– Ты по-прежнему находишь это забавным? – хмуро спросил Реджинальд.

Я покачал головой.

– Не забавным, нет, а скорее… – я силился найти подходящее слово, – трудным для понимания. Раса существ, предшествовавшая человеку? Получается, какие-то боги…

– Не боги, Хэйтем. Можешь называть их жителями первой цивилизации, которая управляла человечеством. Они, Хэйтем, оставили нам артефакты, наделенные такой огромной силой, о которой нынче мы можем только мечтать. Я уверен: заполучивший эти предметы сможет управлять судьбой человечества.

Он говорил это с настолько серьезным лицом, что мне расхотелось смеяться.

– Реджинальд, это громадное притязание.

– Конечно. А разве бы мы стали тратить силы, время и средства ради чего-то скромного и заурядного? Как, впрочем, и ассасины.

Глаза Реджинальда сверкнули, отразив пламя свечей из напольных канделябров. Как правило, глаза Реджинальда оставались бесстрастными, когда он учил меня языкам и философии, истории и премудростям ведения боя. Даже изложение принципов учения ордена не вызывало у него такого прилива энтузиазма. Только когда речь заходила о Тех, Кто Пришел Раньше.

Иногда Реджинальду нравилось высмеивать «излишества страсти», которые он считал недостатком. Но стоило ему заговорить о существах первой цивилизации, как он сам превращался в настоящего фанатика.

2

Ночевал я в пражской штаб-квартире тамплиеров. Мне отвели тесную комнатку с серыми каменными стенами, где я теперь сидел, ощущая на своих плечах весь

груз тысячелетней истории ордена тамплиеров.

Я вспомнил площадь Королевы Анны, на которой уже почти полностью восстановили наш особняк. Мистер Симпкин постоянно сообщал нам о ходе работ. Реджинальд держал строительство под своим неусыпным контролем, несмотря на частые переезды из страны в страну в поисках Дигвида и Дженни. (Реджинальд был прав. Меня угнетают безуспешные поиски Дигвида, а о Дженни я почти не вспоминаю.)

Однажды Симпкин прислал письмо с известием о состоявшемся переезде из Блумсбери в обновленный дом на площади. В тот день я вспоминал обшитые деревянными панелями стены дома, в котором родился и вырос. Они ясно вставали перед моим взором, а вот образ обитателей особняка почти стерся из памяти, особенно лицо матери. Я пытался вспомнить ее такой, какой она была в моем детстве. Тогда она светилась и дарила окружащим свое тепло, совсем как солнце. Какое счастье я испытывал, когда клал голову ей на колени! Моя любовь к отцу отличалась силой и страстностью, зато любовь к матери была чище. Отцом я восхищался. Я настолько благоговел перед ним, что порой сознавал себя карликом, жалкой тенью отца. И то, что я должен был впоследствии стать таким же, как он, одновременно будоражило и пугало меня.

При общении с матерью меня буквально захлестывало ощущением уюта, любви и защищенности. Мать была красивой женщиной. Я всегда радовался, когда меня сравнивали с отцом, которого все считали яркой личностью. Но если говорили, что я похож на мать, то это подразумевало обаятельность. Про Дженни взрослые высказывались так: «Она способна разбить не одно сердце». Или: «Она заставит мужчин сражаться за нее». То есть вокруг моей сестры постоянно витал дух борьбы и соперничества. Отношение к матери было другим. Ее красота была нежной, успокаивающей, по-настоящему материнской. Если при взгляде на Дженни в мужчинах просыпался дух соперничества, на мать они смотрели с теплотой и восхищением.

Мать Дженни я никогда не видел. Знал лишь, что ее звали Кэролайн Скотт. Я отчего-то привык считать, что Дженни – точная копия своей матери. Когда-то отец прельстился броской красотой этой женщины, равно как ухажеры прельщались броской красотой Дженни.

Моя мать представляла собой совершенно иной тип женщины. Когда они с отцом встретились, она была всего-навсего заурядной Тессой Стивенсон-Оукли. Так она

сама говорила о себе: «заурядная Тесса Стивенсон-Оукли». У меня бы язык не повернулся назвать мать заурядной, но моего мнения никто не спрашивал. Отец приехал в Лондон, не имея здесь ни родных, ни друзей. Своего жилья у него, естественно, тоже не было, но богатство позволило ему быстро обзавестись всем необходимым. Поначалу он нанял себе жилье у одного лондонского домовладельца, дочь которого предложила чужестранцу помочь с поисками слуг. Разумеется, эта дочь была не кто иная, как «заурядная Тесса Стивенсон-Оукли»…

Я догадывался, что Стивенсоны-Оукли не одобрили выбора матери. Ни ее родители, ни родственники никогда не бывали у нас. Мать всецело посвятила себя нам с отцом и до той страшной ночи дарила мне свое безраздельное внимание, бесконечную привязанность и безусловную любовь.

Но когда я в последний раз виделся с матерью, ее словно подменили. Я помню настороженность в родных глазах. И еще – презрение. Когда я убил того, кто едва не убил ее, я изменился. Я уже не был малышом, сидевшим у нее на коленях.

Я был убийцей.

20 июня 1747 г

На пути в Лондон я перечитывал свои давние дневниковые записи. Зачем? Наверное, голос интуиции. Какой-то подсознательный зуд… некое сомнение.

Чем бы это ни было, но, когда я перечитал запись от 10 декабря 1735 года, меня вдруг озарило. Теперь я точно знал, чем займусь сразу по возвращении в Англию.

2–3 июля 1747 г

Сегодня была поминальная служба, а также… Впрочем, обо всем по порядку.

По окончании службы я оставил мистера Симпкина беседовать с Реджинальдом. Мне мистер Симпкин сообщил о необходимости подписать несколько бумаг. После смерти матери все состояние нашей семьи перешло ко мне. Подобострастно улыбаясь, бывший подчиненный моего отца выразил надежду, что меня вполне устраивает то, как все эти годы он управлялся с делами. Я кивнул, улыбнулся и воздержался от слов, которые люди обычно произносят после похорон, ограничившись лишь тем, что сообщил о своем желании побыть одному. Желание было вполне понятным и не вызвало подозрений.

Я надеялся, что со стороны казалось, будто я бреду куда глаза глядят, погруженный в свои мысли. Я шел по улицам и переулкам, сторонясь карет, чтобы меня не забрызгало грязью и не запачкало навозом. Рядом со мной и мне навстречу тек людской поток. Возвращались с работы мясники, не сняв окровавленных кожаных фартуков. Прачки куда-то несли белье. Уличные шлюхи пытались поймать кого-нибудь в свои сети. Но избранное мной направление отнюдь не было случайным.

Впереди меня шла женщина. Как и я, она пробиралась сквозь толпу. Она шла одна, погруженная в свои мысли. Я шел за ней не просто так. Эту женщину я видел в часовне, на службе. Она сидела с материнской горничной Эмили и еще несколькими служанками, которых я не знал; сидела с опущенной головой, прижимая к носу платок. Я находился с другой стороны. Потом она подняла голову и наверняка увидела меня, но не подала виду, что узнала. Неужто я так сильно изменился, Бетти?

Теперь я следовал за ней, держась на достаточном расстоянии, чтобы она – случись ей обернуться назад – не заметила за собой хвост. Когда Бетти подошла к дому, в котором теперь работала, почти стемнело. На фоне угольного неба высился богатый особняк, во многом похожий на наш лондонский дом. Интересно, Бетти и здесь служит в няньках? Или с тех пор род ее занятий несколько изменился? Может, у нее под плащом надето платье гувернантки? Прохожих вокруг поубавилось. Я сократил расстояние между нами. Подойдя к особняку, Бетти не поднялась на крыльцо, а спустилась на несколько ступеней и открыла дверь, наверняка ведущую в подвал.

Едва наша бывшая служашка скрылась из виду, я перешел улицу и стал подбираться к дому. Меня могли заметить из окон, и потому я старался не вызывать подозрений. Мальчишкой я любил стоять у окна нашего дома на

площади Королевы Анны, смотреть на прохожих и угадывать, чем занимается каждый из них. Вдруг и в этом особняке живет любопытный мальчишка, который сейчас следил за мной и мысленно спрашивал себя: «Кто этот человек? Откуда он появился? Куда идет?»

Я брел вдоль ограды, вглядываясь в освещенные подвальные окна. Здесь наверняка жили слуги. Я не ошибся – в одном из окон мелькнул силуэт Бетти. Она задернула занавеску. Теперь я знал, в какой из комнатенок она обитает.

Я вернулся сюда через несколько часов, далеко за полночь. Занавески на всех окнах были плотно задвинуты, улица, на которой стоял особняк, не освещалась. Тьма была почти полной, если не считать фонариков редких карет, проезжавших мимо.

Я быстро оглянулся по сторонам, перемахнул через ограду дома и приземлился в небольшую канаву. По ней я добрался до окна Бетти. Выбравшись из канавы, я осторожно прислонил ухо к стеклу и несколько секунд вслушивался. Тихо. Внутри все спали. Прекрасно.

Я был бесконечно терпелив. Мои пальцы скользнули вниз, к кромке подъемного окна. Я приподнял кромку, умоляя ее, чтобы она не заскрипела. Мои молитвы были услышаны. Я пролез внутрь.

Бетти слегка шевельнулась во сне. Наверное, почувствовала поток воздуха от окна. А может, интуитивно ощутила мое присутствие? Я застыл будто статуя, дожидаясь, пока к Бетти не вернется ее спокойное дыхание. Постепенно успокоился и воздух, взбаламученный моим вторжением. Вскоре я превратился в часть обстановки. Можно подумать, я всегда здесь обитал, как призрак.

Потом я вынул меч.

Оружие вполне отвечало ситуации. Это был короткий меч, когда-то подаренный мне отцом. Нынче я редко отправлялся куда-либо без него. Много лет назад Реджинальд спросил, когда, по-моему, отцовский подарок впервые попробует крови. С тех пор он был не единожды обагрен. Если мои подозрения насчет Бетти подтвердятся, сегодня я снова угощу его кровью.

Я сел на постель, приблизил меч к горлу Бетти, затем другой рукой зажал ей рот.

Моя «заложница» проснулась. В ту же секунду ее глаза округлились от ужаса. Она шевельнула губами, попытавшись закричать, но мои пальцы заглушили вопль.

Я удерживал извивающееся тело Бетти, молча позволяя ей разглядеть незваного гостя. Не узнать меня она не могла. Целых десять лет она была моей нянькой, в чем-то заменяя мать. Пусть в комнате и темно. Разве она не узнает мастера Хэйтема?

Когда она перестала биться, я, не убирая руки с ее рта, прошептал:

– Здравствуй, Бетти. Мне нужно кое о чем тебя расспросить. Чтобы отвечать на мои вопросы, тебе нужно говорить, а для этого я должен убрать руку с твоего рта. Естественно, у тебя появится искушение закричать, но если ты закричишь…

Я приставил острие меча к ее горлу, показывая, что не шучу. Затем я с чрезвычайной осторожностью снял руку с ее губ.

Ее глаза стали жесткими, каменными. На мгновение я снова почувствовал себя мальчишкой и почти испугался этого гневного и яростного взгляда. Я вспомнил, как меня отчитывали за пререкания со взрослыми.

– За вашу проделку, мастер Хэйтем, я должна была бы вас хорошенько выпороть, – прошипела она. – Как вы смеете вторгаться в комнату женщины, да еще спящей? Неужто я ничему вас не научила? Неужели пропали даром уроки Эдит? Уроки вашей матери? – Ее голос становился все громче. – Отца?..

Оказывается, ребенок, сжимающийся от крика взрослых, все еще жил во мне. Я с трудом вернулся в свой взрослый облик, восстановил в себе решимость взрослого человека и подавил сильное желание убрать меч от ее горла и промямлить: «Прости меня, нянюшка Бетти». В мозгу уже вертелись ожившие обещания хорошо себя вести и с этого дня быть послушным мальчиком.

Решимости мне придали мысли об отце.

– Да, Бетти, когда-то ты была мне как мать. И то, что я делаю сейчас, ужасно и непростительно. Поверь, мне самому было непросто явиться сюда. Однако то, что сделала ты, тоже ужасно и непростительно.

– О чем это вы? – щуря глаза, спросила Бетти.

Левой рукой я полез в карман сюртука, вынул сложенный листок бумаги и помахал им перед глазами Бетти. Сомневаюсь, что в почти кромешной темноте она сумела разглядеть его содержимое.

– Помнишь кухарку Лауру?

Бетти настороженно кивнула.

– Она прислала мне письмо, где подробно рассказала о твоих отношениях с Дигвидом. И долго ли камердинер отца был у тебя в любовниках, Бетти?

На самом деле никакого письма от Лауры не существовало. Листок не содержал ничего, кроме адреса моего ночлега. Моя уловка была рассчитана на то, что испуганная Бетти все равно ничего в темноте не увидит. Мысль навестить бывшую служанку возникла у меня по пути в Лондон, когда я перечитывал свои дневниковые записи двенадцатилетней давности. В то холодное декабрьское утро она «залежалась» в постели. Решив, не случилось ли чего, я прильнул к замочной скважине и заглянул внутрь. Я увидел не только спящую Бетти, но и пару мужских сапог. Будучи еще достаточно мал, я тогда не придал значения увиденному. Подумаешь, сапоги. Десятилетнему мальчишке они не показались чем-то заслуживающим внимания. Потом я вообще забыл об этих сапогах и долго не вспоминал.

Бывают шутки, смысл которых доходит до тебя лишь через некоторое время. Нечто подобное случилось и со мной, когда я наткнулся на упоминание о сапогах. С высоты своих двадцати двух лет я понял: сапоги принадлежали любовнику Бетти. То, что ее любовником являлся Дигвид, было для меня не столь очевидно. Я помнил, с каким почтением Бетти всегда отзывалась о нем. Но с неменьшим почтением о нем отзывались и другие. Он сумел одурачить всех нас. Когда мы с Реджинальдом отбыли в Европу, Дигвид подыскал для Бетти другое место службы.

И все равно мое предположение об их любовной связи пока оставалось лишь предположением. Вполне обоснованным и логичным, но рискованным и чреватым ужасными последствиями, если я ошибся.

– Бетти, ты помнишь дни перед моим отъездом в Европу? – спросил я. – Это были десятые числа декабря. Помнишь, как однажды ты «залежалась» в постели?

Она настороженно кивнула.

– В то утро я замерз, когда спал, поэтому встал раньше обычного. Мне хотелось есть. Я отправился на кухню и когда проходил мимо твоей комнаты… стыдно признаваться, но я нагнулся и заглянул в замочную скважину.

Упоминание о событии двенадцатилетней давности заставило меня слегка покраснеть. Неприязнь в глазах Бетти лишь усугубилась. Моя бывшая нянька сердито скривила губы, словно мой тогдашний поступок по своей гнусности был равен нынешнему вторжению.

– Я не увидел ничего особенного, – торопливо пояснил я. – Только спящую тебя и пару мужских сапог. Они мне показались знакомыми. Такие сапоги носил Дигвид. Значит, у тебя с ним были близкие отношения?

Бетти покачала головой. Ее глаза из сердитых сделались печальными.

– Боже мой, мастер Хэйтем, что с вами стало? – вздохнула она. – В кого вас превратил этот Берч? Скверно одно то, что вы держите кинжал у горла женщины весьма почтенного возраста. Да, это очень скверно. Но вслушайтесь в свои слова. Вы обрушили на меня град упреков, обвинили меня в прелюбодеянии. Послушать вас – так я прямо блудница, разрушительница семейных устоев… Нет, мастер Хэйтем, наши отношения не были прелюбодеянием. Я знала, что у мистера Дигвида есть дети, которые жили в Херефордшире, под присмотром его сестры. Однако его жена умерла за несколько лет до того, как он поступил на службу к вашему отцу. Наши отношения вовсе не были такими, какими они представляются вашему нечестивому уму. Мы по-настоящему любили друг друга, и пусть вам будет стыдно за то, что думали о нас по-иному. Да, мастер Хэйтем, пусть вам будет стыдно, – повторила она, укоризненно качая головой.

Мои пальцы впились в эфес меча. Я плотно зажмурил глаза:

– Ошибаешься, Бетти. Это не я сейчас должен чувствовать себя виноватым. Можешь взывать к моему стыду, сколько тебе угодно, но факт остается фактом. У тебя были отношения с Дигвидом… их характер значения не имеет. Важно другое: Дигвид предал нашу семью. Не случись его предательства, мои родители сейчас были бы живы, а я бы не сидел здесь, держа меч у твоего горла. Так что, Бетти, ты не меня вини за этот поздний визит, а его.

Бетти глубоко вздохнула, потом, взяв себя в руки, сказала:

– У него не было выбора. У Джека. Это его настоящее имя. Вы знали?

– Я прочту его настоящее имя на могильном камне, – прошипел я. – Каким бы именем он ни назывался, сути это не меняет. А выбор у него был. Да, Бетти, был. Даже если это был выбор между молотом и наковальней, мне все равно. У Дигвида имелся выбор.

– Нет. Тот человек угрожал Джеку расправиться с его детьми.

– Человек? Какой человек?

– Не знаю. Они встречались с Джеком где-то в городе.

– А ты когда-нибудь видела этого человека?

– Нет.

– Что Дигвид тебе о нем рассказывал? Не из западных ли графств был этот незнакомец?

– Да, сэр. Джек говорил, что у него вроде был какой-то акцент. А что?

– Когда Дженни волокли в карету, она успела что-то крикнуть насчет предателя. Вайолет – служанка из соседнего дома – находилась вблизи кареты и слышала. На следующий день к ней явился человек, говоривший с акцентом, характерным для западных графств. Он предостерег Вайолет, чтобы держала язык за зубами

и не проболталась об услышанном.

Мои слова заставили Бетти побледнеть. Это было видно даже в темноте.

– Что? Ты что-то вспомнила?

– Вы упомянули Вайолет, сэр, – выдохнула Бетти. – Вскоре после вашего отъезда в Европу… возможно, что и на следующий день… бедняжку убил уличный грабитель.

– Эти люди оказались верны своему слову. – Я поднял глаза на бывшую няньку. – Расскажи мне все, что знаешь про того человека. Какие приказания он давал Дигвиду?

– Джек почти ничего о нем не рассказывал. Сказал лишь, что такие угрозы на ветер не бросают. Если Джек не сделал бы так, как они велели, они бы разыскали и убили его детей. Тот человек предупредил Джека: если он хоть слово скажет вашему отцу, они не просто убьют его детей, а сперва подвергнут долгим и мучительным пыткам. Тот человек рассказал Джеку, что? они намерены сделать с домом. Мастер Хэйтем, клянусь собственной жизнью, они говорили, что никто не пострадает. Они тихо явятся под покровом ночи и тихо исчезнут.

Я насторожился:

– А зачем им вообще понадобился Дигвид?

Этот вопрос привел ее в замешательство.

– Как ты помнишь, в ночь перед нападением Дигвид уехал, – продолжал я. – В дом они проникли без его помощи. Они убили отца и увезли с собой Дженни. Зачем им понадобился Дигвид?

– Я не знаю, мастер Хэйтем, – прошептала Бетти. – Честное слово, не знаю.

Я смотрел на Бетти, ощущая странное оцепенение. Вечером, когда я коротал время до прихода сюда, гнев во мне так и бурлил. Основным топливом были

мысли о вероломстве Дигвида, а мысли о возможной причастности Бетти только подливали масла в огонь.

Сейчас мне хотелось, чтобы моя старая нянька оказалась непричастной. Уж лучше бы она выбрала себе в любовники кого-то другого, а если ее избранником был Дигвид, я хотел, чтобы она ничего не знала о его гнусных делах. В противном случае она оказывалась его сообщницей, что вынуждало меня ее убить. Если она могла что-то сделать, дабы предотвратить бойню той ночи, но ничего не сделала, тогда она должна умереть. Это и называлось… справедливостью. Это было причиной и следствием, уравновешивающим принципом. Око за око. На этом строились мои убеждения. Это придавало смысл моему существованию, даже когда, как мне казалось, оно лишалось всякого смысла. Это был способ упорядочить хаос.

Однако меньше всего мне хотелось убивать Бетти.

– Где сейчас Дигвид? – тихо спросил я.

– Не знаю, мастер Хэйтем. – Голос Бетти дрожал от страха. – В то утро он исчез, и больше я его не видела.

– Кто еще знал, что вы с ним были любовниками?

– Никто. Мы всегда очень осторожничали.

– Если не считать промашки с его сапогами.

– Я потом сразу их убрала. – Глаза Бетти вновь стали жесткими. – И у слуг не было привычки подглядывать в замочную скважину.

Минута или две прошли в полном молчании.

– И что теперь, мастер Хэйтем? – сдавленно спросила Бетти.

– Я бы должен тебя убить, Бетти, – без обиняков ответил я, глядя ей в глаза.

До нее вдруг дошло: если я захочу, так оно и будет. Она поняла, что я способен ее убить.

Бетти всхлипнула.

– Но я не стану тебя убивать, – сказал я, поднимаясь. – Та ночь и так унесла немало жизней. Больше мы с тобой не встретимся. Я умею помнить хорошее, а от тебя в детстве я видел много доброты. Поэтому я оставляю тебя в живых, а уж как ты поладишь со своей совестью – меня не касается. Прощай.

14 июля 1747 г

1

Почти две недели я не притрагивался к дневнику. За это время многое успело произойти. Но прежде чем рассказывать об этом, необходимо вкратце написать о том, что произошло после моего ночного визита к Бетти.

Уйдя от нее, я вернулся к себе и лег спать. Однако проспал недолго. Утром, встав и одевшись, я нанял карету и вновь поехал к особняку, где служила Бетти. Кучеру я велел остановиться на некотором расстоянии, чтобы, не вызывая подозрений, вести наблюдение за домом. Этот малый тут же задремал, радуясь передышке, а я поудобнее устроился возле окошка и не спускал глаз с дома.

Что я ожидал увидеть? Этого я не знал. В очередной раз я решил довериться своей интуиции.

И она снова меня не подвела. Едва только рассвело, Бетти вышла из подвала.

Я отпустил карету и пешком двинулся за бывшей нянькой. Мои предположения оправдались: Бетти шла в сторону лондонского почтамта на Ломбард-стрит. Войдя в здание, она провела там всего несколько минут, после чего вышла на

улицу и смешалась с толпой.

Я смотрел ей вслед, не испытывая никаких чувств. У меня не было жгучего желания догнать ее и перерезать горло, отплатив за предательство. Помню, в детстве я искренне любил Бетти, но от той любви не осталось и следа. В душе у меня была… пустота.

Я встал невдалеке от входа в почтамт и начал разглядывать окружающий мир, отгоняя тростью попрошаек и уличных торговцев. Ждал я около часа, а потом…

Из дверей появился почтальон с туго набитой сумкой и колокольчиком. Поигрывая тростью, я тут же двинулся следом за ним. Я не сомневался, что рано или поздно он уйдет с людных улиц. Так оно и случилось. Решив сократить себе путь, почтальон свернул в пустынный переулок…

Мне понадобилось лишь несколько секунд, и вскоре я уже склонялся над его окровавленным, бездыханным телом и открывал сумку. Вскоре я нашел письмо Бетти. Получателем значился Джек Дигвид. Вскрыв конверт, я пробежал глазами его содержание. Бетти писала, что по-прежнему его любит и что я пронюхал про их отношения. Все это было известно мне и прежде. Меня интересовало не содержание письма, а адрес, из которого следовало, что нынче Дигвид жил на юге Германии, в местности Шварцвальд. Он обосновался близ Фрайбурга, в городке Санкт-Петер.

Проведя почти две недели в пути, наконец сегодня утром мы с Реджинальдом прибыли в Санкт-Петер. Городок дремал на дне долины, окруженный зелеными полями и перелесками.

2

В сам Санкт-Петер мы въехали около полудня, запыленные и усталые от дороги. Здешние улочки были узкими, похожими на лабиринт. Пока мы неспешно ехали по ним, я не переставал удивляться поведению местных жителей. Завидев нас, прохожие тут же отворачивались, а жители окрестных домов закрывали окна и задергивали шторы. Иногда даже было слышно, как гремит дверной засов.

Может быть, люди каким-то образом чувствовали, что мы явились в эти края с намерением убить. Возможно, жители Санкт-Петера отличались повышенной пугливостью. Тогда я еще не знал, что мы были не первыми иностранцами, появившимися сегодня в этом городишке. Получалось, кто-то успел напугать жителей до нас.

Письмо для Дигвида было отправлено на адрес центрального магазина Санкт-Петера. Выехав на небольшую площадь, где в тени каштанов журчал фонтан, мы остановили первую попавшуюся горожанку и спросили, где находится нужное нам здание. Молча указав направление, перепуганная почти до смерти женщина поспешила удалиться, глядя себе под ноги. Вскоре мы добрались до магазина, привязали лошадей и вошли. Единственный покупатель, увидев нас, решил зайти в другое время и опрометью выбежал наружу. Мы с Реджинальдом удивленно переглянулись.

Магазин был по-немецки основательным. Вдоль стены в три ряда тянулись высокие, крепкие дубовые полки, уставленные банками и пакетами, аккуратно перевязанными бечевкой. За прилавком, тоже высоким, стоял хозяин магазина в чистеньком фартуке. Он улыбался в широкие усы, однако стоило ему увидеть нас, как улыбка быстро погасла, словно догоревшая свеча.

Слева от меня, на громоздкой приставной лестнице, с помощью которой доставали товары с верхних полок, сидел мальчик лет десяти. Судя по всему, сын хозяина. При виде нас мальчишка спрыгнул с лестницы и выбежал на середину магазина, где и остался стоять, держа руки по швам и ожидая приказаний.

– Добрый день, господа, – приветствовал нас по-немецки хозяин магазина. – Похоже, вы немало времени провели в пути. Желаете пополнить запасы провианта, прежде чем отправиться дальше? Может, желаете освежиться? Чего-нибудь выпить? – И он указал на вместительный сосуд, стоящий на прилавке. Затем махнул рукой, подзывая сына. – Кристоф, ну что ты стоишь как изваяние? Где твоя вежливость? Прими плащи от господ путешественников… Прошу вас, господа, располагайтесь, – предложил хозяин, указывая на стоящие перед прилавком стулья.

Я посмотрел на Реджинальда. Тот уже собирался воспользоваться хозяйским гостеприимством и сесть, но я едва заметно покачал головой.

– Благодарю вас, – сказал я хозяину. – У нас с другом нет намерений долго задерживаться здесь. – Краешком глаза я увидел, как понуро опустились плечи Реджинальда. – Нам от вас нужна не провизия, а сведения.

Казалось, на лицо хозяина набросили темное покрывало.

– Что вам угодно знать? – настороженно спросил он.

– Нам необходимо найти одного человека. Его зовут Дигвид. Джек Дигвид. Вы знакомы с ним?

Немец покачал головой.

– То есть вы его совсем не знаете? – продолжал допытываться я.

И вновь хозяин покачал головой.

Тон моего голоса был таким, что Реджинальд догадался о моем замысле.

– Хэйтем… – предостерегающе произнес он, но я проигнорировал его предостережение и задал хозяину новый вопрос:

– Вы уверены, что не знаете Джека Дигвида?

– Да, господин.

У него нервно подрагивали усы и двигался кадык.

Я сжал зубы, потом молниеносно, не дав опомниться ни Реджинальду, ни хозяину, выхватил меч и приставил его к горлу Кристофа. Мальчишка шумно глотнул воздух и перевел полные страха глаза с отца на лезвие меча. Я же смотрел только на хозяина.

– Хэйтем… – снова произнес Реджинальд.

– Реджинальд, позволь мне самому решить это дело, – перебил его я и снова обратился к хозяину магазина: – Письма для Дигвида приходили на адрес вашего магазина. Я еще раз спрашиваю: где Джек?

– Господин! – взмолился хозяин.

Его глаза тоже метались между мной и сыном. Мальчишка негромко сопел, словно ему было трудно глотать.

– Прошу вас, не причиняйте вреда моему сыну!

Я оставался глух к его мольбам.

– Где нам искать Джека Дигвида?

– Господин… – Немец умоляюще сложил руки. – Я не могу вам этого сказать.

Лезвие меча еще сильнее уперлось в горло Кристофа. Мальчишка всхлипнул. Недовольства Реджинальда, находящегося по другую сторону от меня, я не видел, а лишь чувствовал. Я продолжал безотрывно смотреть на хозяина магазина.

– Пожалуйста, господин, смилуйтесь! – забормотал хозяин. Его руки двигались так, словно он пытался жонглировать невидимыми бокалами. – Я не могу вам сказать!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Район в центральной части Лондона. (Здесь и далее примеч. перев.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/oliver-bouden/assassin-s-creed-otverzhennyy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить